

НИКОЛАЙ II

СВЯТОЙ

или

КРОВАВЫЙ?

АЛЕКСАНДР
КОЛПАКИДИ
ГЕННАДИЙ
ПОТАПОВ

Уроки истории

Александр Колпакиди

Николай II. Святой или кровавый?

«Алисторус»

2017

УДК 929(47) Николай II
ББК 63.3(2)5-8 Николай II

Колпакиди А. И.

Николай II. Святой или кровавый? / А. И. Колпакиди —
«Алисторус», 2017 — (Уроки истории)

ISBN 978-5-906947-80-2

О Николае II изданы сотни книг, тысячи статей, сняты десятки художественных и документальных фильмов. В большинстве из них повествуется о семейной идиллии и трагической гибели последнего самодержца, при котором экономика России процветала и росла самыми быстрыми темпами в мире. Такой книги, как эта, ещё не было ни в наше, ни в советское время. В ней рассказывается о репрессиях, расстрелах демонстраций, силовом подавлении забастовок и восстаний, погромах и терроре царского режима. Внимательный читатель найдёт на страницах книги множество интересных и совершенно неведомых ему сведений, получит ответы на вопросы:— кем же на самом деле был Николай II – Кровавым самодержцем или Святым великомучеником?— почему он был свергнут и за что убит?— почему в огромной стране не нашлось никого, кто бы попытался его спасти?— с какими целями нам сегодня пытаются навязать представление о последнем императоре из рода Романовых как о страстотерпце, совершившем Хриstopодобный подвиг?

УДК 929(47) Николай II
ББК 63.3(2)5-8 Николай II

ISBN 978-5-906947-80-2

© Колпакиди А. И., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Вниманию читателей этой книги	6
Часть первая	7
Предисловие	7
Глава 1. Ложь о молочных реках	10
Глава 2. «Хозяин земли русской»	18
Глава 3. Кровавое начало	25
Глава 4. Небожитель	30
Глава 5. «Кровавые воскресенья»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Колпакиди

Николай II. Святой или кровавый?

Вниманию читателей этой книги

Предлагаемая вниманию читателя книга вполне заслуживает подзаголовка, который когда-то выставляли на листовках: «Прочти и передай товарищу!». В весьма обширной современной литературе по политической истории царствования Николая II она занимает совершенно особое место.

С одной стороны, книга полностью документальна и представляет собой капитальное научное исследование тиранического и антинародного характера последней николаевской империи. При этом, несмотря на формально преимущественно компилятивный характер, сам объем исторических фактов, извлеченных на свет божий и обличающих царизм, делает книгу не компиляцией, а синтетической монографией. И уже этим она сразу противопоставляет себя всей своре околону научной, псевдонаучной и антинаучной литературы, накопившейся за последнее столетие и восхваляющей царскую Россию, которую потеряли романовы, говорухины и михалковы.

С другой стороны, книга имеет остро публицистический смысл и убедительно противостоит олигархическим и неомонархическим попыткам реабилитировать и даже реанимировать политический труп российской монархии, протухший и разложившийся сто лет назад.

Принявшись за чтение и частичное – чисто стилистическое – редактирование рукописи книги по просьбе одного из авторов – А. И. Колпакиди, я быстро увлекся содержанием, несмотря на то, что ничего особо нового для себя не находил. Я и сам не раз писал, ссылаясь на те же, что и у авторов, цифры и факты, о несомненной отсталости и некондиции царской России, о ее полузависимой от Запада экономике... Писал об ужасающих российских реалиях в социальной сфере, об оскорбительно низких для огромной страны душевых показателях и т. д. Однако концентрат исторических данных, спокойно предлагаемый в книге ее авторами, не только вызывал уважение, но попросту восхищал.

Что же до кошмарной хроники подавления администрацией Николая Кровавого собственного народа, то, собранная под одной обложкой, эта хроника окончательно делает книгу уникальной, актуальной, боевой и убийственной для всех фальсификаторов истории России... Поэтому, как отмечают и сами авторы, книга вызовет, вне сомнений, зубовный скрежет всей родной отечественной сволочи, кликушествующей о тиранах Ленине и Сталине и пытающейся доказать исторически недоказуемое, выдав последнего российского царя за страдотерпца, в то время как он был не только позором русской истории, но и палачом собственного народа во главе паразитов и палачей.

Могу лишь поздравить авторов с завершением блестящей и многотрудной работы и пожелать книге той громкой известности, которой она достойна.

Сергей Кремлёв (Брезкун)

Часть первая За что

*Памяти Александра Ивановича Кирякина¹ – типичной жертвы
режима Николая II*

Предисловие

*Наш царь – Мукден, наш царь – Цусима,
Наш царь – кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму – темно.
Наш царь – убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь-висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.
Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждет.
Кто начал царствовать – Ходышкой,
Тот кончит – встав на эшафот.*

К. Бальмонт. 1906 год.

---

¹ «Кирякин Александр Иванович (13(25).10.1880 – 07(20).12.1905). Родился в Иваново-Вознесенске в семье рабочего. Русский. Окончил начальную школу. С 11 лет работал в переплетной мастерской. Александр много читал и выделялся среди сверстников рассудительностью. На книги тратил все свои крохотные сбережения, часто экономя на еде. Позднее поступил на завод Жохова, где освоил специальность медника. Молодой рабочий много читал. Его младшая сестра Клавдия вспоминала: „Саша так любил печатное слово, что часто лишал себя куска хлеба и на сэкономленные деньги покупал у букинистов книги“. Вступил в рабочий марксистский кружок. К революционной работе А. И. Кирякина привлекла Е. А. Володина, которая снимала комнату в доме его отца – разнорабочего фабрики Фокина. Член РСДРП с 1899 года. Дом Кирякиных на Московской улице становится конспиративной квартирой. Александру было поручено создать подпольную библиотеку. Основу библиотеки составили его собственные книги. Вскоре стала поступать революционная литература из Москвы, Петербурга, Ярославля. Легальные книги он хранил в комнате сестры, а нелегальные – в тайнике на чердаке. Через короткое время в библиотеке сосредоточилось более 200 книг. Росло и количество читателей. Разрешенная литература выдавалась всем, нелегальная – только проверенным людям. В апреле 1900 года местной охранке удалось получить сведения о Иваново-Вознесенской и Кохомской социал-демократических организациях. Начались аресты. В октябре был арестован и Кирякин. Его заключили на шесть месяцев в петербургскую тюрьму „Кресты“, однако за недостаточностью улик вскоре освободили. А. И. Кирякин продолжил революционную работу. Встречался с представителями социал-демократических организаций Шуи и Кохмы, вел революционную пропаганду среди рабочих, помогал Н. Н. Панину распространять газету „Искра“. Вскоре был включен в состав Иваново-Вознесенского комитета РСДРП. В апреле 1901 года полиция произвела обыск в доме Кирякиных, но обнаружила только легальную литературу. Комитет РСДРП принял решение оставить библиотеку на прежнем месте и даже увеличить число читателей. 10 января 1902 года полиция арестовала 19 человек, в том числе А. И. Кирякина. При обыске у него и сестры Клавдии нашли около 300 книг, брошюр и других нелегальных изданий. По окончании следствия в марте 1903 года А. И. Кирякина выслали на четыре года в село Мартыновское Киренского уезда Иркутской губернии. В ссылке он быстро сошелся со ссыльными революционерами, много занимался самообразованием, участвовал в диспутах по проблемам рабочего движения. 22 октября 1905 года черносотенцы разгромили дом Кирякиных в Иваново-Вознесенске. После амнистии осенью 1905 года Александр Кирякин вернулся в Иваново-Вознесенск и вновь включился в партийную работу: посещал собрания, стал членом боевой дружины. 7 (20) декабря участвовал в сходке текстильщиков в лесу на берегу реки Талки. На рабочих напали полиция и казаки. В завязавшей перестрелке Кирякин был тяжело ранен, а затем жестоко избит. В бессознательном состоянии его привязали к седлу лошади и доставили в полицейский участок, а уже потом – в городскую больницу, где дважды пытались допрашивать, но безрезультатно. Через несколько часов он умер» (Революционеры текстильного края. Сборник очерков. Ярославль. Верхне-Волжское книжное издательство. 1980. С. 118–121).

Эти стихи были написаны в 1906 году и выражали общее мнение тогдашнего образованного общества. Общество необразованное тоже постепенно начало к нему присоединяться, окончательно завершив поворот умов к 1917 году. Россия единодушно приветствовала отречение Николая, после чего попросту о нем забыла. Бывший царь не интересовал россиян ни живой, ни мертвый – никого, кроме большевистского правительства, которому от «временных» предшественников достался подарочек в виде арестованных членов дома Романовых (арестовали их еще в марте 1917 года). До такой степени не интересовал, что не было ни одной попытки освободить «обожаемого монарха». Да и сама казнь Романовых потерялась в кровавой вакханалии Гражданской войны.

Уже потом, в эмиграции, отчаянно пытаясь вернуть себе свое «шампанское и хруст французской булки», бывшая элита России задумалась о знамени. Белые вожди на эту роль не годились – у каждого была своя команда, и договориться они не смогли бы ни при каких обстоятельствах. Так называемые «наследники престола» – тем более. (Свары между ними прекрасно отражены в детском фильме «Корона российской империи, или Снова неуловимые».) А Николай подходил прекрасно – красив, религиозен, хороший человек и расстрелян злыми большевиками вместе с семейством. И, что важно, мертв – то есть уже никогда не скажет и не сделает такого, за что станет неудобно.

Дальнейшее – дело техники. Тем более что в эмиграции оказалась бывшая элита России – это для них сияли упоительные вечера, плыл аромат пирогов и гуляли румяные гимназистки... Им было о чем пожалеть и было что вспомнить.

Поначалу не прокатывало – слишком много существовало в эмиграции людей, негативно относившихся к последнему царю. Кто-то был обижен им лично, кто-то обижен за Россию. Но время шло. Подрастали поколения эмигрантов, для которых царская Россия была прекрасной сказкой – а сказка требует соответствующих героев. Да и пропагандистская война против Советского Союза не утихала – ей тоже нужны были знамена.

В попытке вернуть свои упоительные вечера эмигрантские деятели сотрудничали с кем угодно: менее разборчивые – с Гитлером, более разборчивые – с любыми спецслужбами, до которых удавалось дотянуться. Идея «поставить» на последнего царя родилась в тех же идеологических лабораториях, где появились на свет радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», где раскручивали «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына и старую катынскую провокацию Геббельса. Николай II не был образцом правителя и государственного мужа, но если бы он мог заглянуть вперед и узнать, как используют его имя... Трудно сказать, как поступил бы царь, но царица уж точно прокляла бы всех оптом.

В 1981 году Русская православная церковь за границей канонизировала семью Романовых как «царственных мучеников» – то есть христиан, погибших за веру. Правда, никто не предлагал им отречься от Христа, снять кресты и прочее – уральских чекистов эти вопросы вообще не интересовали. Но кого в РПЦЗ, иерархии которой сотрудничали с Гитлером, волновали такие мелочи? Это было просто оружие в борьбе с Советским Союзом. Тем более к тому времени и в СССР условия созрели.

До тех пор, пока живы были люди, помнившие прежнюю Россию «вживую», СССР был гарантирован от монархической ностальгии. Но время шло. В школах преподавали дворянскую литературу, в кино показывали «господ офицеров», а рассказы из учебника истории стали казаться страшной сказкой. Да и кто всерьез относится к учебникам?

С какого момента началась в нашей стране романтизация Российской империи и ее последнего царя? Пожалуй, с забытого ныне фильма Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли». Небывалый подъем во всех сферах народного бытия, все сияет идиллией, «балы, красавицы, лакеи, юнкера», император с кроткими газельими глазами... Фильм забыт – а слоган остался, породив массу претензий к истории, которая учинила в России три «ненужные» революции, разрушившие державу. Балы разогнаны, красавицы изнасилованы, юнкера

убиты... Император как-то странно, может быть, даже ритуально расстрелян в подвале дома Ипатьева вместе с семьей. А ведь они были такие красивые!

Именно на таком уровне мозги и «промывали».

В девяностые годы, когда громили идеологию добываемого СССР, в качестве снарядов годилось все что угодно. Получив в руки эмигрантские идеи и эмигрантские книги, СМИ принялись раскручивать новую тему со всем неофитским пылом. Мнения Русской православной церкви никто не спрашивал – бал правили исключительно «зарубежники». Между тем РПЦ сопротивлялась канонизации до последнего, и в результате Романовы были канонизированы в России как страстотерпцы – то есть христиане, преданные мученической смерти, но не за веру, а просто так. Для иерархов, которым выкручивали руки «агенты влияния» как в церкви, так и в правительстве, такое решение можно считать гражданским подвигом.

Впрочем, нас интересует не как умер Николай, а как он жил. Точнее, как правил. Потому что восстановить против себя все слои общества и за двадцать три года довести вверенную тебе державу до объемного взрыва – тут никакие «протоколы сионских мудрецов» не помогут, для этого нужен особый талант. Абы у кого не получится.

Глава 1. Ложь о молочных реках Разбор мифов о развитии Российской империи

В наследство от девяностых годов нам осталась сказочка о «процветающей» до революции 1917 года Российской империи. В доказательство приводятся в основном темпы роста некоторых (не всех) отраслей промышленности. В самом этом подходе заложено определенное лукавство: темпы роста зависят от исходных показателей. Если они малы, то темпы могут быть высокими, а конечные результаты – очень скромными. И уж коли говорить о промышленности, надо учитывать все факторы, а не только те, которые хочется.

Возьмем, например, часто упоминаемые показатели по выплавке чугуна и стали. Они у России были, казалось бы, достаточно приличными (пятое место в мире). Однако большинство металла в России съедали железные дороги. Так, в 1881 году было произведено стальных рельсов и прочих железнодорожных причиндалов 12 612 тыс. пудов (около 2/3 произведенной в России стали), а в 1896 году – 24 300 тыс. пудов (около 1/3). В той же Франции, где выплавляли больше металла, чем в России, столько дорог не строили, так что металл явно шел на что-то еще...

Однако существуют и «знаковые» показатели. К ним, в частности, относятся структура промышленного производства и структура экспорта. Вот что пишет по этому поводу российский писатель-историк Елена Прудникова.

«В 1896 году структура промышленного производства в Российской империи представляла собой мечту „перестройщика“ – абсолютнейшее преобладание так называемых „товаров народного потребления“. По стоимости произведенной продукции на первом месте стоит мануфактура – от хлопка до джута – 851 млн руб. или 31 % валовой продукции российской промышленности. Затем следует обработка питательных веществ, или пищевая промышленность – 722 млн (26 %). Третье место – 614 млн (22 %) занимает „горная и горнозаводская промышленность, со включением обработки металлов и машиностроения“. Вот и понимай как хочешь: сколько тут добывающей промышленности, сколько обрабатывающей, а сколько собственно машиностроения. Дальше идут уже разные мелочи, вроде обработки животных продуктов (117 млн), деревообрабатывающей промышленности (91 млн), керамики, химической промышленности и пр.

Собственно машиностроение отыскать все же удалось... 1896 год – 136 424 тыс. руб., или около 5 % общей промышленной продукции. В том же году было ввезено машин на 65 361 тыс. руб., то есть еще 2,5 %. И это в условиях „бурного роста“!

...Взглянем теперь на структуру внешней торговли Российской империи.

Первое место среди экспортных товаров занимал хлеб – большей частью пшеница, которую и растили, в основном, на вывоз, ибо население питалось черным хлебом. Еще торговали лесом, нефтепродуктами, яйцами. Практически не вывозили никаких готовых изделий – в 1898 году они составляли всего 4 % от экспорта, и то еще вопрос – что это были за изделия? Вполне возможно, что какая-нибудь „рашин экзотика“. В том же году в структуре импорта 54 % составляли сырье и полуфабрикаты (в основном хлопок и металлы), 17,5 % – „жизненные припасы“, то есть продовольствие, и 28 % – готовые изделия (машины)».

Занятно получается: своих машин страна почти не производит и еще меньше покупает – но тем не менее в ней наблюдается промышленный подъем! И это не говоря о том, что большая часть российской тяжелой промышленности российской вообще не была.

«Уже в конце XIX века 60 % капиталовложений в российскую тяжелую промышленность и горное дело были заграничными. Англо-французский капитал контролировал 72 % производства угля, железа и стали, 50 % нефти. (А ведь был еще и немецкий, и бельгийский, и американский капитал. – *Авт.*) Иностранцы вкладывали деньги в то, что им было нужно, развивая

не экономику в комплексе, а отдельные отрасли – попросту пользуясь тем, что труд в России дешевле, чем в Европе. Формально их предприятия входили в российскую экономику, а фактически иностранцы использовали страну как колонию, производя нужные им товары и качая прибыли»¹².

Что же касается новых, современных технологий – все было еще печальней. Важнейшим показателем промышленного развития, причем в начале XX века связанного с передовыми технологиями, является добыча нефти. В 1901 году Россия занимала по этому показателю первое место в мире (681 миллион пудов, или 50,6 % всего мирового производства). Соединенные Штаты в 1901 году добывали 555 миллионов пудов, или 41,2 %. В 1911 году добыча Соединенных Штатов увеличилась втрое – до 1794 миллионов пудов (63,1 % мировой добычи), а России – 559 миллионов пудов (19,6 %)³. Как видим, добыча «процветающей» Российской империи за десять лет упала не только в относительном, но даже и в абсолютном исчислении. По-видимому, стремительно богатящая деревня с керосиновых ламп перешла на лучины – иначе как объяснить абсолютный спад?

Или другой малозаметный, но значимый показатель: телефон. По данным 1909 года, на каждые 100 жителей приходилось абонентов в Соединенных Штатах 7,6, в Дании – 3,3, в Швеции – 3,1, в Норвегии – 2,3, в Швейцарии – 2, в Германии – 1,5, в Англии – 1,3, а в России – 0,1⁴. Приуроченный к трехсотлетию дома Романовых, изданный в 1913 году шеститомник «Три века» сообщает, что «всего телефонов за последнее время в мире исчисляется почти 11 236 тысяч, и из этого количества 68,2 %, то есть 7660 тысяч, приходится на Соединенные Штаты, 8,9 % – на Германию, 5,7 % – на Англию и 1,5 %, то есть 172 900, на Россию»⁵. Это, конечно, мелочь – но мелочь показательная.

Еще хуже обстояло дело в сельском хозяйстве Российской империи. По данным переписи 1897 года, в деревне жило 87 % населения России («промышленно развитой» страны, ага!). Основу аграрного сектора составляли почти 20 млн мельчайших крестьянских хозяйств, о которых сторонники «потерянной России» говорят с умиленным придыханием, как о селянской идиллии. Вот только три четверти этих хозяйств по статистике являлись бедняцкими – большинство их не способны были прокормить даже себя, не то что кормить страну. Их агрокультура была на уровне Киевской Руси: соха, лошадь, трехполье. Елена Прудникова пишет:

«Землю эксплуатировали хищнически, до такой степени, что в начале XX века урожай в нечерноземных губерниях был сам-3 – сам-4 (то есть на каждое брошенное в землю зерно собирали два или три. – *Прим. ред.*). Если переводить на центнеры, то урожай колебался с 3–5 до 10–12 центнеров с гектара. В Германии в то же время средний урожай был около 24 центнеров, и русские крестьяне в северо-западных губерниях покупали немецкий хлеб – он был дешевле русского!»⁶

Да, именно так: не меньше половины крестьян аграрной страны вынуждены были покупать хлеб! Практически все зерно, предназначавшееся на продажу, выращивалось в крупных современных хозяйствах. Сто миллионов русских крестьян не могли прокормить даже себя, не то что Европу.

К началу XX века положение крестьянства стало катастрофическим.

«Ряд официальных (!) исследований с несомненностью установил ужасающий факт крестьянского разорения за 40 лет, истекших со времени освобождения. Размер надела за это время уменьшился в среднем до 54 % прежнего (который тоже нельзя было считать достаточным). Урожайность уменьшилась до 94 %, а в неблагоприятной полосе даже до 88–62 %. Количество скота упало (с 1870 года) в среднем до 90,7 %, а в худших областях до 83–51 % прежнего. Недоимки поднялись с 1871 года в среднем в пять раз, а в неблагоприятной полосе и в восемь, и в двадцать раз. Ровно во столько же раз увеличилось и бегство крестьян с насиженных мест в поисках большего простора или за дополнительными заработками. Но и цена

на рабочие руки в среднем почти не поднялась, а в неблагоприятных местностях даже упала до 64 %.

...Показательно, что смертность в российской деревне была выше, чем в городе, хотя в европейских странах наблюдалась обратная картина»⁷.

Неудивительно, что голод в Российской империи был постоянным явлением. «Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» (1913 год) сообщает:

«После голода 1891 года, охватывающего громадный район в 29 губерний, нижнее Поволжье постоянно страдает от голода: в течение XX века Самарская губерния голодала восемь раз, Саратовская – девять⁸. За последние тридцать лет наиболее крупные голодовки относятся к 1880 году (Нижнее Поволжье, часть приозерных⁹ и новороссийских губерний) и к 1885 году (Новороссия и часть нечерноземных губерний от Калуги до Пскова); затем вслед за голодом 1891 года наступил голод 1892 года в центральных и юго-восточных губерниях, голодовки 1897-го и 1898 годов приблизительно в том же районе; в XX веке голод 1901 года в 17 губерниях центра, юга и востока, голодовка 1905 года (22 губернии, в том числе четыре нечерноземных, Псковская, Новгородская, Витебская, Костромская), открывающая собой целый ряд голодовок: 1906, 1907, 1908 и 1911 годы (по преимуществу восточные, центральные губернии, Новороссия)»¹⁰.

Это не говоря о ежегодном, обыденном весеннем голоде бедняков, который имел место в России повсеместно. И о постоянном, из года в год, хроническом недоедании абсолютного большинства населения.

22 марта 1901 года в Петербурге был издан доклад в соединенном собрании Общества русских врачей, Общества детских врачей в Петербурге и Статистического отделения Высочайше утвержденного Русского общества охранения народного здоровья «Смертность в России и борьба с нею». О питании народа там говорится следующее:

«Как известно, около 78 % населения России принадлежит земле, пропитывается ее плодами и составляет главную платящую силу государства; между тем земля эта дает в среднем крестьянину для пропитания зачастую значительно менее необходимого.

Чрезвычайно обстоятельно разобран этот вопрос в недавно вышедшем труде П. Лохтина „Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. Итоги к XX веку“. СПб, 1901.

По вычислениям автора, в среднем за 16 лет, Россия потребляет хлеба и картофеля 18,8 пуда на человека (от 13 в неурожай до 25 в урожай), тогда как в других странах количество потребляемого одним человеком хлеба не падает ниже 20–25 пудов, и физиологическая норма для человека при умеренной работе не может быть ниже 17,2 пуда. Поэтому цифра 18,8 пудов на человека в России, исключив из них около 10 % на отруби и сор, оказывается недостаточной для прокормления даже самого крестьянина, не говоря уже о скоте его, между тем как, по вычислениям проф. Лензевитца, немецкий крестьянин потребляет пищи, в переводе на хлеб, около 35 пудов, следовательно, вдвое более нашего русского. Если же принять во внимание сверх того расход из 18 пудов на прокорм лошадей и скота владельцев, горожан и войска, на производство спирта и т. п., на потери пожарами, то для личного потребления остается только около 16 пудов, купить же где-либо невозможно, так как хлеба в государстве более не имеется. Что же говорить про неурожайные годы, а между тем в течение 16 лет население голодало 6 раз, на границе голода было 4 раза и имело некоторый излишек в запасе на время всего от 1–2 недель до 3 месяцев только 6 раз...

Совершенно аналогичные этому данные относительно недостаточности питания крестьянина находим в трудах д-ра Почтарева и д-ра Грязнова.

По данным д-ра Грязнова, вся пища крестьян состоит из ржаного и редко ячменного хлеба, картофеля и черной капусты, причем хлеба в день приходится 2,8–3,5 фунта на взрослого человека. Мяса приходится на человека (включая детей) в год 14–16 фунтов.

По вычислениям же д-ра Почтарева, каждый работник в исследованном им Духовщинском уезде сверх уродившегося хлеба только для одного прокормления должен заработать на стороне 17 руб. 26 коп., не говоря о том, что еще сверх того должен заработать для уплаты податей 15 руб. 61 коп., в силу чего и приходится, за невозможностью столько заработать, впадать в недоимки, за которые приходится платиться продажей скота. Удивительно ли после этого, что, по данным д-ра Святловского, 35 % хозяйств не имеют ни одной коровы, а в 25 % нет никакой рабочей скотины.

Конечно, после всего сказанного станет понятным, что население, существующее впроголодь, а часто и вовсе голодающее, не может дать крепких детей...»¹¹

О детях чуть позже, а пока приведем в качестве резюме мнение известного русского публициста XX века, эмигранта и монархиста Ивана Солоневича:

«Факт чрезвычайной экономической отсталости России по сравнению с остальным культурным миром не подлежит никакому сомнению. По цифрам 1912 года народный доход на душу населения составлял: в САСШ 720 рублей (в золотом довоенном исчислении), в Англии – 500, в Германии – 300, в Италии – 230 и в России – 110. Итак, средний русский еще до Первой мировой войны был почти в семь раз беднее среднего американца и больше чем в два раза беднее среднего итальянца. Даже хлеб – основное наше богатство – был скуден. Если Англия потребляла на душу населения 24 пуда, Германия – 27 пудов, а САСШ – целых 62 пуда, то русское потребление хлеба было только 21,6 пуда – включая во все это и корм скоту. Нужно при этом принять во внимание, что в пищевом рационе России хлеб занимал такое место, как нигде в других странах он не занимал. В богатых странах мира, как САСШ, Англия, Германия и Франция, хлеб вытеснялся мясными и молочными продуктами и рыбой – в свежем и консервированном виде.

Русский народ имел качественно очень рациональную кухню, богатую и солями, и витаминами, но кладовка при этой кухне часто бывала пуста. Русский народ был, остается и сейчас преимущественно земледельческим народом, но на душу сельскохозяйственного населения он имел 1,6 га посевной площади, в то время как промышленная и „перенаселенная“ Германия имела 1,3, а САСШ – 3,5. При этом техника сельского хозяйства, а следовательно, и урожайность полей в России была в три-четыре раза ниже германской.

Таким образом, староэмигрантские песенки о России как о стране, в которой реки из шампанского текли в берегах из паюсной икры, являются кустарно обработанной фальшивкой: да, были и шампанское и икра, но – меньше чем для одного процента населения страны. Основная масса этого населения жила на нищенском уровне. И, может быть, самое характерное для этого уровня явление заключается в том, что самым нищим был центр страны»¹².

Естественно, страна с таким экономическим положением просто не могла быть социально благополучна. Ужасным было состояние здравоохранения в России. Да, русская медицина славилась учеными и подвижниками, но это касалось нескольких крупных городов, а в деревне один врач приходился порой на 20–25 тысяч человек, разбросанных на огромном пространстве. Большинство жителей империи жили и умирали, так и не соприкоснувшись с медициной. Да и в городах тоже услуги врачей были доступны далеко не всем. Отсюда и результаты.

«По данным на 1897 год смертность на 1000 человек составляла: Англия – 17,4; Франция – 19,6; Германия – 21, 3; Италия – 22,1; Россия – 31,5...

Только в двух губерниях – Эстляндской и Курляндской – смертность была ниже 20 чел. на 1000 среднего населения. В девяти губерниях – Бессарабской, Ковенской, Лифляндской, Витебской, Виленской, Херсонской, Таврической, Архангельской и Волынской – она не превысила 25; в 11 губерниях – Гродненской, Полтавской, Подольской, С.-Петербургской, Екате-

ринославской, Могилевской, Минской, Новгородской, Киевской, Вологодской и Уфимской – была от 26 до 28,9; в девяти губерниях – Черниговской, Донской обл., Харьковской, Псковской, Костромской, Олонецкой, Астраханской, Тамбовской и Ярославской – от 30,6 до 34,5; от 35,1 до 39,9 чел. умерших с 1000 населения наблюдалось в 15 губерниях – Казанской, Тверской, Курской, Саратовской, Нижегородской, Воронежской, Владимирской, Вятской, Московской, Орловской, Симбирской, Оренбургской, Рязанской, Самарской и Пензенской и, наконец, более 40 в Пермской, Тульской, Смоленской и Калужской губерниях...

Насколько велико число умирающих детей в России, видно из представленных таблиц... Из них видно, что из 1000 родившихся до 5 лет доживает более 700 детей только в 4 губерниях, 700 – в 7 губ., 650 – в 8 губ., 600 – в 10 губ., 550 – в 9 губ. и менее 500 человек в 12 губ...

Выше мы видели, что из детей гибнут главным образом самые маленькие, и особенно ужасная смертность оказывается в возрасте до 1 года, причем в некоторых местностях России эта смертность доходит до таких цифр, что из 1000 родившихся детей доживают до года гораздо менее половины... Если мы добавим к этому смертность детей более старших, 1–5 лет, затем от 5–10 лет и от 10–15 лет, то мы увидим, что из 1000 родившихся доживет до 15 лет весьма небольшое число детей, и это число во многих местах России не превышает одной четверти родившихся.

Таким образом, мы имеем в России несомненный факт вымирания детей, и если в настоящее время общее число населения в России не уменьшается, а увеличивается, то объясняется это значительной рождаемостью, пока еще превышающей смертность, отчего и является прирост населения, хотя, надо сознаться, есть многие местности, где замечается убыль населения от преобладания смертности над рождаемостью...

«Следующая таблица показывает то место, которое занимает Россия среди других народов земного шара по смертности своих детей.

В 1905 году из 1000 родившихся умирало до 1 года:

В Мексике – 308 детей;

В России – 272 ребенка;

В Венгрии – 230 детей;

В Австрии – 215 детей;

В Германии – 185 детей;

В Италии – 166 детей;

В Японии – 152 ребенка;

Во Франции – 143 ребенка;

В Англии – 133 ребенка;

В Голландии – 131 ребенок;

В Шотландии – 116 детей;

В Соединенных Штатах Америки – 97 детей;

В Швеции – 84 ребенка;

В Австралии – 82 ребенка»¹³.

Говоря о причинах, врачи отметили тяжелую борьбу за существование, низкую санитарную культуру населения, алкоголизм родителей, сифилис, но на первом месте – голод.

«Познакомься со столь безнадежными выводами относительно питания большинства населения России, конечно, ни для кого не станет удивительным, что при хроническом полуголодании население не может дать здорового поколения, да и даже дав таковое, не в состоянии будет его выкормить. Поэтому П. Лохтин находит весьма естественным, что там, где даже питание народа достаточно не удовлетворяется, смертность должна производить уравнение баланса, и поэтому она уступает только Гондурасу, Фиджи и Голландской Индии, хотя по некоторым губерниям в неурожайные годы превосходит даже и эти места»¹⁴.

Что интересно: в двадцатые годы, пока еще не сделав ничего для улучшения жизни народа, большевистское правительство сумело уменьшить детскую смертность на четверть. Как это удалось? Объяснение одно: за счет санитарного просвещения. Не было еще ни врачей, ни больниц, но были избы-читальни, и в них регулярно проводились лекции по основам гигиены. Другого объяснения просто нет...

Даже по дореволюционным исследованиям официального органа (отдела Министерства внутренних дел Российской империи) видно, насколько «передовой» была держава¹⁵. В исследовании приведен показатель смертности на 100 тыс. чел. по болезням: в европейских странах и отдельных самоуправляемых территориях (например, Венгрия) в составе стран. По смертности от шести основных инфекционных болезней (оспа, корь, скарлатина, дифтерия, коклюш, тиф) прочно, с колоссальным отрывом лидировала Россия.

1. Россия – 527,7 чел.
2. Венгрия – 200,6 чел.
3. Австрия – 152,4 чел.»¹⁶.

Примерно на таком же уровне, как народная медицина, находилась и санитария.

«Согласно собранным в отчетном году данным о положении водоснабжения и удаления нечистот в городах и негородских пунктах, в коих число жителей превышает 10 тыс. чел., водопроводы общественного пользования имеются лишь в 190 из 1078 населенных пунктов; только при 58 из них устроены фильтры или иные приспособления для очищения воды. Между тем, например, в Германии в городах с населением свыше 20 тыс. жителей устроены водопроводы в 98 поселениях из 100, из городов с населением от 5 до 20 тыс. имеются водопроводы в 74 пунктах из 100. Сплавная канализация у нас существует лишь в 13 городах и устраивается в трех. В большинстве остальных поселений удаление нечистот поставлено весьма неудовлетворительно. При этом существующие устройства в некоторых городах находятся в антисанитарном состоянии. В результате обследования городов Киева, Харькова, Ростова-на-Дону и С.-Петербурга в 1907–1910 годах оказалось, что одною из причин широкого распространения эпидемий тифа и холеры было загрязнение водопровода сточными водами»¹⁷.

А вот конкретные данные о заболеваемости холерой:

«1908 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – 69.

Число заболевших – 30 705 чел.

Число умерших – 15 542 чел.

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – 50,5 %.

1909 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – 50.

Число заболевших – 22 858 чел.

Число умерших – 10 677 чел.

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – 46,7 %.

1910 год.

Число пораженных холерой губерний и областей – 72.

Число заболевших – 230 232 чел.

Число умерших – 109 560 чел.

Процент умерших от холеры к общему числу заболевших – 47,6 %»¹⁸.

Теперь об образовании. По данным переписи 1897 года, грамотными были 17,4 % жителей России (25,2 % у мужчин и 9,8 % у женщин). В начале XX века число умеющих читать и кое-как расписываться достигло 25 %. При этом показатели по стране отличались в разы. Так, в 1910 году в Петербурге грамотными были две трети населения, а в Пензенской губернии – 14,8 %. При этом надо понимать, что речь идет не об образовании (даже начальном), а именно о грамотности. Продолжит образование за пределами трехклассного начального училища всего 10 % школьников.

При таком положении с образованием о каком промышленном подъеме может идти речь? Страна задыхалась от недостатка образованных кадров. Иногда это обходилось очень дорого. Так, например, нехватка качественных офицеров сыграла не последнюю роль в поражении в русско-японской войне.

Россия к началу XX века представляла собой не «упоительные вечера», а клубок тяжелейших проблем. И, в довершение «радостей», там до сих пор господствовало сословное общество – да еще какое!

Сословное общество – не просто термин, а вполне конкретный тип общественного устройства. Люди от рождения принадлежали к определенному сословию, которые различались по своему правовому положению. Нюансов было множество, существенно одно: право рождения.

Отсюда уже один шаг до теорий о «сверхчеловеке» и «недочеловеке».

А европейские страны, особенно столь любезная нашей «элите» Англия, были в то время «больны» расизмом, и наши насквозь европеизированные верхи подхватили эту заразу. Вот только туземцев в России не было – но зато были низшие сословия! А ведь держава всего полвека как вынырнула из самого настоящего рабства (которое стыдливо именовалось «крепостным правом»), перейдя к крепостному праву (по той же логике именуемому «свободой»).

Стоит ли удивляться, что господствующей идеологией верхушки общества (в основном на практике, без осмысления, но иной раз появлялись и теории) стал социальный расизм.

Что это такое? Википедия сообщает: «Расизм – совокупность воззрений, в основе которых лежат положения о физической и умственной неравноценности человеческих рас и о решающем влиянии расовых различий на историю и культуру. Существует и несколько более широкое определение расизма. Так, в энциклопедии Britannica указывается, что расизм – это идеология, заявляющая о разделении людей на строго дифференцированные группы, называемые расами, о связи между унаследованными физическими чертами и чертами характера, интеллектом, моралью, культурой, а также о врожденном превосходстве одних рас над другими. Осуществление расистских теорий на практике находит свое выражение в политике расовой дискриминации от ограничения каких-либо прав до физического уничтожения».

«Более широкое определение» – это как раз про Россию.

Е. Прудникова пишет: «Дело в том, что в верхушке российского общества бытовал даже не англосаксонский – если бы! – а французский сословный идеал. Верхушка роялистской Франции кое-как признавала третье сословие – буржуазию, – у которой регулярно брала деньги в долг, на прочий же народ французские дворяне смотрели как на говорящий инвентарь – за что и заплатились в 1789 году. Именно этот взгляд на низы общества переняло и офранцузившееся русское дворянство, особенно после того, как в Россию хлынули пострадавшие от революции эмигранты... Российская элита не воспринимала крестьянина как существо, подобное себе – не воспринимала на уровне подсознания...»¹⁹

В качестве иллюстрации можно привести не слишком известную статью Льва Толстого «О голоде», где он писал так:

«В последние 30 лет сделалось модой между наиболее заметными людьми русского общества исповедовать любовь к народу, к меньшому брату, как это принято называть. Люди эти

уверяют себя и других, что они очень озабочены народом и любят его. Но все это неправда. Между людьми нашего общества и народом нет никакой любви, и не может быть.

Между людьми нашего общества – чистыми господами в крахмаленных рубашках, чиновниками, помещиками, коммерсантами, офицерами, учеными, художниками и мужиками нет никакой другой связи, кроме той, что мужики, работники, hands, как это выражают англичане, нужны нам, чтобы работать на нас.

Зачем скрывать то, что мы все знаем, что между нами, господами, и мужиками лежит пропасть? Есть господа и мужики, черный народ. Одни уважаемы, другие презираемы, и между теми и другими нет соединения. Господа никогда не женятся на мужичках, не выдают за мужиков своих дочерей, господа не общаются как знакомые с мужиками, не едят вместе, не сидят даже рядом; господа говорят рабочим ты, рабочие говорят господам вы. Одних пускают в чистые места и вперед в соборы, других не пускают и толкают в шею; одних секут, других не секут.

Это две различные касты. Хотя переход из одной в другую и возможен, но до тех пор, пока переход не совершился, разделение существует самое резкое, и между господином и мужиком такая же пропасть, как между кшатрием и парием»²⁰.

А известный русский философ Николай Бердяев дал этому явлению и «научное» обоснование (прочитав это, становится понятным, почему большевистское правительство выслало его из страны). В труде «Философия неравенства» он писал:

«„Просветительное“ и „революционное“ сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование „белой кости“ есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт»²¹.

Предлагаемая Бердяевым апология антропологического, физиологического превосходства «элиты» над «быдлом» для Советской России была, конечно же, чужда и недопустима. Не осознав того, что «элита» Российской империи относилась к народу как к чему-то среднему между рабом и скотиной, мы вообще ничего в том времени не поймем.

Мало кто из представителей высших сословий заморачивался составлением теорий, но они так жили. Таковы были и законы Российской империи. Русская верхушка впитывала презрительное отношение к народу с малолетства, вдыхала вместе с воздухом. И русский царь, стоявший на самом верху социальной пирамиды, не был исключением, да и с какой стати? Или он дышал другим воздухом? Тем более на протяжении двух веков матери русских царей были европейскими принцессами – то есть русские являлись для них еще и туземцами.

Как это все соотносится с христианством – пусть объясняют монархисты...

Глава 2. «Хозяин земли русской»

Личные качества Николая II

Николай II имел очень длинный и практически невозпроизводимый титул: «Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новгорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северныя страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкесских и Горских князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голштинский, Сторманский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая и прочая и прочая». Многие из вышеперечисленных земель были больше среднего европейского государства.

Носитель этого титула имел неограниченную личную власть в Российской империи. То есть мог по своему желанию издавать и отменять любые законы и правила, назначать и смещать любых чиновников, генералов и министров. В 1897 году на вопрос всероссийской переписи о роде занятий он ответил: «Хозяин земли русской».

Насколько хозяин соответствовал хозяйству? Каким он был? Не станем гадать, обратимся к воспоминаниям современников.

Очень интересную характеристику Николая оставил его родственник, великий князь Александр Михайлович Романов. К «кузену Ники» он относился с определенной симпатией, по крайней мере не был склонен ни лакировать, ни демонизировать своего венценосного родича.

«Будущий император Николай II рос в напряженной атмосфере вечных разговоров о заговорах и неудавшихся покушениях на жизнь его деда императора Александра II. Пятнадцати лет он присутствовал при его мученической кончине, что оставило неизгладимый след в его душе.

Николай II был мальчиком общительным и веселым. Детство его протекало в скромном Гатчинском дворце в семейной обстановке, среди природы, которую он очень любил. Его воспитатели были сухой, замкнутый генерал, швейцарец-гувернер и молодой англичанин, более всего любивший жизнь на лоне природы...

В семейной обстановке он помогал отцу строить дома из снега, рубить лес и сажать деревья, так как доктора предписали Александру III побольше движения. Разговоры велись или на тему о проказах его младшего брата Михаила, или же о моих успехах в уходе за его сестрой Ксенией. Все темы о политике были исключены. Поэтому не было случая увеличить запас знаний. В царской семье существовало молчаливое соглашение насчет того, что царственные заботы царя не должны были нарушать мирного течения его домашнего быта. Самодержец нуждался в покое»²².

До Александра III круг общения русских царей был очень широк. Балы, обеды, приемы, военные маневры, да и сама жизнь в центре столицы поневоле учила царских детей общению с самыми разными людьми. Перебравшись после убийства отца в охраняемую Гатчину, Александр III резко сузил круг своего общения. И если на царе это не так сказывалось, то дети росли в некоем «заколдованном» мире.

Николай получил домашнее и вроде бы серьезное образование. Сперва – расширенный гимназический курс, потом – специальный, сочетавший курсы государственного и экономического отделений юридического факультета университета и Академии Генерального штаба. Лекции читали лучшие специалисты в своей области. Но теория без примеров мертва, да и наследник, по-видимому, был просто малоспособен. По крайней мере, о его средних способностях говорили многие, а об уме и таланте... биографы, право, очень старались – но почти без результатов. А кроме того, преподаватели не имели права спрашивать своего ученика, что он понял и понял ли вообще.

«Накануне окончания образования, перед выходом в Лейб-Гусарский полк, будущий император Николай II мог ввести в заблуждение любого оксфордского профессора, который принял бы его, по знанию английского языка, за настоящего англичанина, точно так же знал Николай Александрович французский и немецкий языки.

Остальные его познания сводились к разрозненным сведениям по разным отраслям, но без всякой возможности их применять в практической жизни. Воспитатель генерал внушил, что чудодейственная сила таинства миропомазания во время Св. Коронования способна была даровать будущему российскому самодержцу все необходимые познания»²³.

Это суждение подтверждается и из иных источников.

«Александра Викторовна Богданович, жена генерала от инфантерии, старосты Исаакиевского собора и хозяина одного из наиболее престижных и влиятельных салонов высшей петербургской знати Е. В. Богдановича, писала в дневнике 6 ноября 1889 года: наследник „развивается физически, но не умственно“. И даже отец Николая император Александр III отметил в 1892 году, когда наследнику было уже 24 года: „Он совсем мальчик, у него совсем детские суждения“»²⁴.

По настоянию отца Николай участвовал в заседаниях Государственного совета – «почетной богадельне» для отставных чиновников. Вместе с отцом путешествовал по России и предпринял даже путешествие по миру. Как русские цари перемещались по своей стране, мы расскажем несколько позже, что же касается зарубежных визитов, то он сам жаловался, что надоело осматривать пагоды. Единственное, что ему нравилось, – это служба в армии. Правда, служба в гвардейских полках сильно отличалась от армейской, особенно для принца – но все же...

Александр Михайлович пишет:

«В Николае II рано начала развиваться большая любовь к военной службе. Эта служба, как нельзя лучше, отвечала складу его характера. Он был командиром эскадрона Лейб-Гусарского полка. Два года прослужил он офицером в Гвардейской Конно-артиллерийской бригаде. Ко всем своим обязанностям относился серьезно и добросовестно. Смерть отца застала его командиром батальона Л.-Гв. Преображенского полка в чине полковника, и всю свою жизнь он остался в этом сравнительно скромном чине. Это напоминало ему его беззаботную молодость, и он никогда не выражал желания произвести себя в чин генерала. Он считал недопустимым пользоваться прерогативами своей власти для повышения себя в чинах.

Его скромность создала ему большую популярность в среде офицеров-однополчан. Он любил принимать участие в их вечерах, но разговоры офицерских собраний не могли расширить его умственного кругозора. Общество здоровых, молодых людей, постоянной темой разговоров которых были лошади, балерины и примадонны французского театра, могло быть очень приятно для полковника Романова, но будущий российский монарх в этой атмосфере мог приобрести весьма мало полезного».

Веселая жизнь гвардейского офицера пришлась наследнику по душе. Вот выдержки из дневника. «12 января 1890. Встал в 10½; я уверен, что у меня сделалась своего рода болезнь – спячка, т. к. никакими средствами добудиться меня не могут. <...> Катались на катке без Воронцовых. После закуски поехали в Александринский театр. <...> Отправились на ужин

к Пете. Порядочно нализались и повеселились»²⁵. Или: «31 июля 1890. Вчера выпили 125 бутылок шампанского. Был дежурным по дивизии»²⁶.

«Балы, лакеи, юнкера»... Ну, и красавицы тоже – как же без них! Была в Петербурге такая балерина – Матильда Кшесинская, «коллекционировавшая» Романовых. Издатель А. С. Суворин писал в своем дневнике: «Наследник посещает Кшесинскую и е...т ее. Она живет у родителей, которые устраниются и притворяются, что ничего не знают. Он ездит к ним, даже не нанимает ей квартиры и ругает родителя, который держит его ребенком, хотя ему 25 лет. Очень неразговорчив, вообще сер, пьет коньяк и сидит у Кшесинских по 5–6 часов, так что очень скучает и жалуется на скуку»²⁷.

Все это для молодого гусарского офицера вполне естественно и заклеимению позором не подлежит. «Блажен, кто смолоду был молод». Один только нюанс: молодой повеса – сын императора, будущий хозяин огромной страны. Чем он занимался еще, кроме шампанского, балерин и присутствия на заседаниях Госсовета? Сведений нет никаких. Но, коль скоро мог позволить себе по 5–6 часов просиживать в доме любовницы, государственными делами наследник обременен не был...

Высокопоставленный чиновник того времени Владимир Гурко позднее воспроизвел в воспоминаниях слова управлявшего Морским министерством Н. М. Чихачева: «Наследник – совершенный ребенок, не имеющий ни опыта, ни знаний, ни даже склонности к изучению широких государственных вопросов. Наклонности его продолжают быть определенно детскими... Военная строевая служба – вот пока единственно, что его интересует»²⁸.

Конечно, Александр, могучий богатырь, мог надеяться дожить до глубокой старости, и Николай, пробыв в наследниках лет до пятидесяти, постепенно, может быть, и освоил бы науку управления государством – но ведь всякое бывает!

И «всякое» случилось. Александр III умер в 1894 году, не дожив и до пятидесяти лет. На трон вступил Николай, которого отец до последнего времени держал за «ребенка».

И опять слово Александру Михайловичу:

«Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, сознавал, что наша страна потеряла в лице государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть. Никто не понимал этого лучше самого Никки. В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слезы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что он сделался императором, и это страшное бремя власти давило его.

– Сандро, что я буду делать! – патетически воскликнул он. – Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами...

Я старался успокоить его и перечислял имена людей, на которых Николай II мог положиться, хотя и сознавал в глубине души, что его отчаяние имело полное основание и что все мы стояли пред неизбежной катастрофой»²⁹.

Как видим, Николай сам понимал, что не готов править. 31 декабря 1894 года он записал в своем дневнике: «Я без страха смотрю на наступающий год – потому что для меня худшее случилось, именно то, чего я так боялся всю жизнь!».

Каким человеком был Николай? По отзывам большинства современников – прекрасно воспитанным, безукоризненно вежливым, приветливым со всеми, никогда не выходил из себя, не повышал голоса, прекрасно одевался и танцевал. Баронесса Буксгевден писала о нем: «простой в обращении, без всякой аффектации, Он имел врожденное достоинство, которое никогда не позволяло забывать, кто он. Вместе с тем Николай II имел слегка сентиментальное, очень совестливое и иногда очень простодушное мировоззрение старинного русского дворянина...

Он мистически относился к своему долгу, но и был снисходителен к человеческим слабостям и обладал врожденной симпатией к простым людям – в особенности к крестьянам»³⁰.

Однако этот очаровательный человек в огромном количестве наживал себе врагов. Почему бы это? Сейчас пойдем.

«Сам государь представлял собою своеобразный тип, – вспоминал последний пресвитер русской армии и флота, протоиерей Георгий Шавельский. – Его характер был соткан из противоположностей. Рядом с каждым положительным качеством у него как-то уживалось и совершенно обратное – отрицательное. Так, он был мягкий, добрый и незлобивый, но все знали, что он никогда не забывает нанесенной ему обиды. Он быстро привязывался к людям, но так же быстро и отворачивался от них. В одних случаях он проявлял трогательную доверчивость и откровенность, в других – удивлял своею скрытностью, подозрительностью и осторожностью. Он безгранично любил Родину, умер бы за нее, если бы увидел в этом необходимость, и в то же время как будто уж слишком дорожил он своим покоем, своими привычками, своим здоровьем и для охранения всего этого, может быть, не замечая того, жертвовал интересами государства...

Государь чрезвычайно легко поддавался влияниям и фактически всегда находился то под тем, то под другим влиянием, которому иногда отдавался почти безотчетно, под первым впечатлением. Каждый министр после своего назначения переживал „медовый месяц“ близости к государю и неограниченного влияния на него, и тогда он бывал всемогущ. Но проходило некоторое время, обаяние этого министра терялось, влияние на государя переходило в руки другого, нового счастливца, и опять же на непродолжительное время...»³¹

А наклонности императора отражались в его дневнике. Он регулярно записывал: какая была погода, как катался, развлекался, гулял и сколько и кого сегодня убил. Например, в 1904 году Николай II совершил 575 убийств: 3 лосей, 9 глухарей, 28 тетеревов, 2 рябчиков, 2 вальдшнепов, 46 куропаток, 326 фазанов, 2 кроликов, 117 зайцев-беяков, 15 зайцев-русаков, 24 ворона и одной совы. В разгар войны с Японией он пишет: «8 мая 1905 года. ...Принял морской доклад. Гулял с Дмитрием в последний раз. Убил кошку. После чая принял князя Хилкова, который только что вернулся из поездки на Дальний Восток». Или в разгар революции: «10 сентября 1905 года. <...> В 2 часа отправился на „Разведчике“ на охоту к восточным островам. Загоны были в красивых местах. Летало много тетеревей. Убил дятла. В 7 часов была всеобщая».

Наклонности Николая II передались и его наследнику – цесаревичу Алексею. Как писал Георгий Светлани: «Кто-то подарил Алексею игрушечное ружье. Наследник подходил к любому, прицеливался и говорил:

– Пах!..

И если кто не падал, он закатывал страшную истерику»³².

Видный сановник, товарищ министра внутренних дел Владимир Гурко уже в эмиграции дал развернутый портрет самодержца:

«Николай II принуждал себя заниматься государственными делами, но по существу они его не захватывали. Пафос власти ему был чужд. Доклады министров были для него тяжелой обузой. Стремление к творчеству у него отсутствовало...

Министры знали, насколько их доклады утомляли государя, и старались по возможности их сократить, а некоторые стремились даже вносить в них забавные случаи и анекдоты... Впрочем, краткости доклада министров весьма содействовала способность царя на лету с двух слов понять, в чем дело, и ему нередко случалось перебивать докладчика кратким досказом того, что последний хотел ему разъяснить.

Да, в отдельных вопросах Николай II разбирался быстро и правильно, но взаимная связь между различными отраслями управления, между отдельными принимаемыми им решениями от него ускользала.

Вообще синтез по природе был ему недоступен... Отдельные мелкие черты и факты он усваивал быстро и верно, но широкие образы и общая картина оставались как бы вне поля его зрения...

Обладал Николай II исключительной памятью. Благодаря этой памяти его осведомленность в разнообразных вопросах была изумительная. Но пользы из своей осведомленности он не извлекал. Накапливаемые из года в год разнообразнейшие сведения... совершенно не претворялись в знание, ибо координировать и сделать из них какие-либо конкретные выводы Николай II был не в состоянии...

Общепризнанная черта характера Николая II – его слабоволие было своеобразное и одно-стороннее.

Слабоволие это состояло в том, что он не умел властно настоять на исполнении другими лицами выраженных им желаний, иначе говоря, не обладал даром повелевать. Этим, между прочим, в большинстве случаев и обуславливалась смена им министров. Неспособный заставить своих сотрудников безоговорочно осуществлять высказываемые им мысли, он с этими сотрудниками расставался, надеясь в их преемниках встретить более послушных исполнителей своих предположений.

Однако если Николай II не умел внушить свою волю сотрудникам, то и сотрудники его не были в состоянии переубедить в чем-либо царя и навязать ему свой образ мыслей»³³.

Кстати, менял он министров тоже особым образом – и почти каждый из смененных делался врагом царя, даже не за отставку, а за то, как именно она была проведена. Действительный тайный советник, бывший член Государственного совета А. Ф. Кони, хорошо знавший жизнь государственной верхушки, писал о «жестоких испытаниях законному самолюбию и чувству собственного достоинства, наносимых им своим сотрудникам на почве сомнения или даже зависти...»³⁴.

И не только писал, но и примеры приводил:

«Неоднократно предав Столыпина и поставив его в беззащитное положение по отношению к явным и тайным врагам, „обожаемый монарх“ не нашел возможным быть на похоронах убитого, но зато нашел возможным прекратить дело о попустителях убийцам и сказал, предлагая премьерство Коковцову: „Надеюсь, что вы меня не будете заслонять, как Столыпин?“.

Таковыми примерами полно его царствование. Восемидесятилетний Ванновский, взявший на свои трудовые плечи тяжелое дело народного просвещения в смутные годы, после ласкового и любезно встреченного доклада о преобразовании средней школы получил записку о своем увольнении. Обер-прокурор синода Самарин, приехав на другой день после благосклонно принятого доклада в совете министров, прочел записку царя к Горемыкину, в которой стояло: „Я вчера забыл сказать Самарину, что он уволен. Потрудитесь ему сказать это“. <...> Вечером того же дня, когда утром Кауфман-Туркестанский был удостоен лобзаний и приглашения к завтраку за то, что он рассказал об опасностях, грозящих России и династии, он получил увольнение от звания, дававшего ему возможность личных свиданий с государем...»³⁵.

За эту особенность характера – за то, что не любил говорить неприятные для собеседника вещи прямо, а действовал все какими-то обходными путями, он и получил репутацию человека коварного и двуличного, «византийца». «Безвольный, малодушный царь», – писала все та же Богданович. «Хитрый, двуличный, трусливый государь», – это уже председатель второй Государственной думы кадет Головин. Может быть, и несправедливо заявлено – но таково было общее впечатление, и кто скажет, что незаслуженное? Если бы у вас был такой начальник – как бы вы к нему относились?

«Мягкохарактерный и потому бессильный заставить людей преклоняться перед высказанным им мнением, – пишет далее Владимир Гурко, – он, однако, отнюдь не был безвольным, а, наоборот, отличался упорным стремлением к осуществлению зародившихся у него намерений...»

Насколько Николай II в конечном результате следовал лишь по путям собственных намерений, можно судить по тому, что за все свое царствование он лишь раз принял важное решение вопреки внутреннему желанию, под давлением одного из своих министров, а именно 17 октября 1905 года, при установлении народного представительства»³⁶.

Президент Франции с 1899-го по 1906 год Эмиль Лубе так же оценивал его характер: «Обычно видят в императоре Николае II человека доброго, великодушного, но немного слабого, незащитного против влияний и давлений. Это глубокая ошибка. Он предан своим идеям, он защищает их с терпением и упорством, он имеет задолго продуманные планы, осуществления которых медленно достигает. Под видом робости, немного женственной, царь имеет сильную душу и мужественное сердце. Непокоебимое и верное. Он знает, куда идет и чего хочет»³⁷.

А вот жена императора Александра Федоровна была иного мнения. Она писала мужу: «Как легко ты можешь поколебаться и менять решения, и чего стоит заставить тебя держаться своего мнения... Как бы я желала влить свою волю в твои жилы... Я страдаю за тебя, как за нежного, мягкосердечного ребенка, которому нужно руководство»³⁸.

В чем же проявлялась сильная воля царя? По сути, в одном: в отстаивании принципов самодержавной власти. Обратимся снова к воспоминаниям Владимира Гурко.

«...От воли государя зависело самовластно и единолично отменить закон и издать новый, но поступить вопреки действующему закону он права не имел. Между тем Николай II до самого конца своего царствования этого положения не признавал и неоднократно, по ничтожным поводам и притом в вопросах весьма второстепенных, нарушал установленные законы и правила, совершенно игнорируя настоятельные возражения своих докладчиков.

Видя в себе прежде всего помазанника Божьего, он почитал всякое свое решение законным и по существу правильным. „Такова моя воля“, – была фраза, неоднократно слетавшая с его уст и долженствовавшая, по его представлению, прекратить всякие возражения против высказанного им предположения.

*Regis voluntas suprema lex esto*³⁹ – вот та формула, которой он был проникнут насквозь. Это было не убеждение, это была религия.

Своеобразное представление о природе и пределах власти русского царя было внушено Николаю II еще в начале века двумя лицами, известными – первый своей ограниченностью, а второй – раболепной подлостью, а именно: министром внутренних дел Д. С. Сипягиным и проникшим к тому времени ко двору кн. В. П. Мещерским. В дневнике статс-секретаря А. А. Половцова, под 12 апреля 1902 года, значится, что именно эти лица убедили государя, что „люди вообще не имеют влияния на ход человеческих событий, а что всем управляет Бог, помазанником коего является царь, который поэтому не должен ни с кем сговариваться, а следовать исключительно Божественному внушению. Если царские веления современникам не нравятся, то это не имеет значения. Результат действий, касающихся народной жизни, обнаруживается лишь в отдаленном будущем, и лишь тогда получают сами эти действия правильную оценку. Согласно сему, – добавляет хорошо осведомленный, благодаря своим обширным связям, Половцов, – государь никого больше не слушается и ни с кем не советуется“. (Едва ли тридцатилетнему царю можно было внушить что-то, не согласующееся с его убеждениями. Они могли разве что придать этим убеждениям словесную форму. – *Авт.*) <...> Не на основании какой-либо системы, или вперед начертанного плана и не в путях преследования твердо

определенных целей стремился он править великой империей, а как Бог ему в каждом отдельном случае „на душу положит“»⁴⁰.

Подобные настроения всячески поддерживала и супруга. Немка, выросшая в Англии, о России она знала меньше, чем ничего, – то есть европейские сказки.

«Выходя замуж за русского царя, – пишет Владимир Гурко, – она была глубоко убеждена, что власть его, не только фактически, но и в силу действующего в России закона, беспредельна... Поэтому ни государь, ни царица особого значения законам вообще не придавали, так как были искренно убеждены, что законы обязательны лишь для подданных русского царя, но до него самого никакого касательства не имеют...

...Властная природа Александры Федоровны никогда не могла примириться с возможностью ограничения в чем-либо воли ее супруга. К этому вопросу она относилась, можно сказать, с болезненной напряженностью. Отсюда ее постоянные напоминания в письмах Государю: „Ты – самодержец, ты владыка и повелитель, ты – глава Церкви“, „Ты – самодержец – помни это“, „Как они смеют (члены Св. Синода) не исполнять твоих велений?“».

Причем сочетание самовласти и безволия были у царя самые неудачные. «Свою волю» он проявлял большей частью в мелочах. Произвести статского чиновника в военный чин, наградить орденом Св. Владимира с ленточкой Св. Георгия, отменить штраф, наложенный директором Императорских театров на балерину Кшесинскую... Были деяния и покрупице – например, приказать открыть понравившемуся ему человеку кредит в Государственном банке. Одно из таких деяний – а именно поддержка финансовых планов некоего ротмистра Безобразова по части лесных концессий в Корее – привела к русско-японской войне. Гурко писал:

«Примечательно, что Николай II, неоднократно превышавший свою власть в отдельных частных случаях, ни разу по собственному побуждению не нарушил закона в вопросах общегосударственного значения. В этих вопросах он почти неизменно соглашался со своими докладчиками... Он расходился с министрами не на почве разногласий в понимании порядка управления той или иной отраслью государственного строя, а лишь оттого, если глава какого-нибудь ведомства проявлял чрезмерное доброжелательство к общественности, а особенно если он не хотел и не мог признать царскую власть во всех случаях безграничной.

Степень личной преданности министра государю всегда измерялась именно этим последним обстоятельством.

Вследствие этого в большинстве случаев разномыслие между царем и его министрами сводилось к тому, что министры отстаивали законность, а царь настаивал на своем всемогуществе. В результате сохраняли расположение государя лишь такие министры, как Н. А. Маклаков или Штюрмер, согласные для сохранения министерских портфелей на нарушение любых законов...

...Нужно отметить одно весьма любопытное явление: несмотря на свои деспотические наклонности и всегдашнее стремление использовать в полной мере казавшуюся ему неограниченной царскую власть, Николай II ни на своих отдельных сотрудников, ни на Россию в целом не производил впечатления сильного человека. Обаяния его власти никто не чувствовал.

Происходило это потому, что в личности Николая II наблюдалось странное и редкое сочетание двух, по существу, совершенно противоположных свойств характера: при своем стремлении к неограниченному личному произволу он совершенно не имел той внутренней мощи, которая покоряет людей, заставляя их беспрекословно повиноваться. Основным качеством народного вождя – властным авторитетом личности – государь не обладал вовсе. Он и сам это ощущал, ощущала инстинктивно вся страна, а тем более лица, находившиеся в непосредственных сношениях с ним»⁴¹.

В сочетании с ограниченностью, инфантилизмом нового самодержца и его пристрастием к армейской службе это обещало для России незабываемое царствование.

Так оно и случилось.

Глава 3. Кровавое начало «Бессмысленные мечтания», Ходынка, императорские дяди

Правление Николая началось со скандала, связанного с «бессмысленными мечтаниями». Кто только не отписался по этому поводу – от Толстого до Солженицына! Суть же предельно проста. К воцарению нового монарха земства подготовили приветственные адреса. В некоторых из них, в очень обтекаемой форме, присутствовали пожелания об участии земств в делах управления, то есть о каком-то народном представительстве. Понимать это можно было как угодно. Лев Толстой писал, что это было «право доводить до сведения царя о своих нуждах». Александр Солженицын – что они хотели «иметь свою долю в управлении русскими делами». В общем, земства желали какого-то народного представительства.

О том, что было дальше, поведал Лев Толстой:

«Наконец, наступила торжественная минута, и все эти сотни, большей частью старые, семейные, седые, почитаемые в своей среде люди замерли в ожидании.

И вот отворилась дверь, вошел маленький, молодой человек в мундире и начал говорить, глядя в шапку, которую он держал перед собой и в которой у него была написана та речь, которую он хотел сказать. Речь заключалась в следующем.

„Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Путь все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель“.

Когда молодой царь дошел до того места речи, в котором он хотел выразить мысль о том, что он желает делать все по-своему и не хочет, чтобы никто не только не руководил им, но даже не давал советов, чувствуя, вероятно, в глубине души, что и мысль эта дурная и что форма, в которой она выражена, неприлична, он смешался и, чтобы скрыть свой конфуз, стал кричать визгливым, озлобленным голосом».

Решив (что бывало очень редко) сказать нечто неприятное прямо в лицо, Николай не мог выбрать худшего случая. Скандал грохнул грандиозный. Правда, тут же пошел слух, что в первоначальном тексте речи стояло слово «беспочвенные» – но так выходило еще хуже. Получалось, что, оговорившись, царь сказал то, что думал на самом деле.

«Прошло четыре месяца, – продолжает Толстой, – и ни царь не нашел нужным отречься от своих слов, ни общество не выразило своего осуждения его поступка... И как будто всеми решено, что так и должно быть. И депутатии продолжают ездить и подличать, и царь так же принимает их подлости, как должное. Мало того, что все вошло в прежнее положение, все вступило в положение гораздо худшее, чем прежде. Необдуманный, дерзкий, мальчишеский поступок молодого царя стал совершившимся фактом; общество, все русское общество проглотило оскорбление, и оскорбивший получил право думать (если он и не думает, то чувствует), что общество этого самого и стоит, что так и надо с ним обращаться, и теперь он может попробовать еще высшую меру дерзости и оскорбления и унижения общества...

В газетах иностранных („Times“, „Daily News“ и др.) были статьи о том, что для всякого другого народа, кроме русского, такая речь государя была бы оскорбительна, но нам, англичанам, судить об этом с своей точки зрения нельзя: русские любят это и им нужно это.

Прошло четыре месяца, и в известных, так называемых высших кругах русского общества установилось мнение, что молодой царь поступил прекрасно, так, как должно было поступить. „Молодец Ники, – говорят про него его бесчисленные кузены, – молодец Ники, так их и надо“.

И течение жизни, и управление пошло не только по-старому, но хуже, чем по-старому; те же ссылки без суда; те же отнятия детей у родителей; те же виселицы, каторги, казни; та же нелепая до комизма цензура, запрещающая все, что вздумается цензору или его начальнику; те же одурение и развращение народа.

Положение дел ведь такое: существует огромное государство с населением свыше 100 миллионов людей, и государство это управляемо одним человеком. И человек этот назначается случайно, не то что избирается из самых лучших и опытных людей наиболее опытный и способный управлять, а назначается тот, который прежде родился у того человека, который прежде управлял государством. А так как тот, который прежде управлял государством, тоже назначался случайно по первородству, точно так же, как и его предшественник, – и только родоначальник их всех был властителем, потому что достиг власти или избранием, или выдающимися дарованиями, или, как это бывало большей частью, тем, что не останавливался ни перед какими обманами и злодеяниями, – то выходит, что становится управителем стомиллионного народа не человек, способный к этому, а внук или потомок того человека, который выдающимися способностями или злодеяниями, или и тем и другим вместе, как это чаще всего бывало, достиг власти, – хотя бы этот потомок не имел ни малейших способностей управлять, а был бы самым глупым и дрянным человеком. Положение это, если прямо посмотреть на него, представляется действительно бессмысленным мечтанием.

Ни один разумный человек не сядет в экипаж, если не знает, что кучер умеет править, и в поезд железной дороги, если машинист не умеет ездить, а только сын кучера или машиниста, который когда-то, по мнению некоторых, умел ездить; и тем менее не поедет в море на пароходе с капитаном, права которого на управление кораблем состоят только в том, что он – внучатный племянник человека, который когда-то управлял кораблем. Ни один разумный человек не вверит себя и свою семью в руки таких кучеров, машинистов, капитанов, а все мы живем в государстве, которое управляется, и неограниченно, такими сыновьями и внучатыми племянниками не только не хороших правителей, но на деле показавших свою неспособность к управлению людей...

Считается и предполагается, что правит делами государства царь; но ведь это только считается и предполагается: править делами государства один царь не может, потому что дела эти слишком сложны, он может только сделать все то, что ему вздумается по отношению тех дел, которые дойдут до него, и может назначать себе помощниками тех, кого ему вздумается; а править делами он не может потому, что это совершенно невозможно для одного человека. Правят действительно: министры, члены разных советов, директора и всякого рода начальники. Попадают же в эти министры и начальники люди никак не по достоинствам, а по проискам, интригам, большей частью женским, по связям, родству, угодливости и случайности»⁴².

В общем, едва приступив к власти, молодой царь сумел многих обидеть. Правда, народ тут совершенно ни при чем. Народ обижался на другое. Земства, конечно, были выборным органом, но там существовал такой имущественный и сословный ценз, что по факту в них присутствовали только дворяне, землевладельцы да верхушка буржуазии. Им действительно хотелось парламента. Несколько позже они его получили. Ничего путного из этой затеи не вышло, так что, по сути, царь был прав. Другое дело, что можно было бы не выражать свои взгляды в такой оскорбительной форме – но молодому человеку, воспитанному в понятиях «царского служения», идеи парламентаризма казались даже не оскорбительными, а богохульными. Он – помазанник, а депутаты кто такие?

Снова слово Александру Михайловичу:

«Стройный юноша, ростом в пять футов и семь дюймов, Николай II правил первые десять лет своего царствования, сидя за громадным письменным столом в своем кабинете и слушая с чувством, скорее всего, приближающимся к ужасу, советы и указания своих дядей. Он боялся оставаться наедине с ними. В присутствии посторонних его мнения принимались дядями за приказания, но стоило племяннику и дядям остаться с глазу на глаз, их старшинство давало себя чувствовать, а потому последний царь всея Руси глубоко вздыхал, когда во время утреннего приема высших сановников империи ему извещали о приходе с докладом одного из его дядей.

Они всегда чего-то требовали. Николай Николаевич воображал себя великим полководцем. Алексей Александрович повелевал морями. Сергей Александрович хотел бы превратить Московское генерал-губернаторство в собственную вотчину. Владимир Александрович стоял на страже искусств.

Все они имели каждый своих любимцев среди генералов и адмиралов, которых надо было производить и повышать вне очереди, своих балерин, которые желали бы устроить „русский сезон“ в Париже, своих удивительных миссионеров, жаждущих спасти душу императора, своих чудодейственных медиков, просящих аудиенции, своих ясновидящих старцев, посланных свыше... и т. д.».

В подкрепление своих слов великий князь приводит очаровательный диалог с царем, красноречиво рисующий методы его управления.

«Как часто, когда я спорил о полной реорганизации флота, которым управлял дядя Алексей, согласно традициям XVIII века, я видел, как государь в отчаянии пожимал плечами и говорил монотонно:

– Я знаю, что ему это не понравится. Говорю тебе, Сандро, что он этого не потерпит.

– В таком случае, Никки, ты заставишь его это потерпеть. Это твой долг пред Россией.

– Но что я могу с ним сделать?

– Ты ведь царь, Никки. Ты можешь поступить так, как это необходимо для защиты наших национальных интересов.

– Все это так, но я знаю дядю Алексея. Он будет вне себя. Я уверен, что все во дворце услышат его крик.

– В этом я не сомневаюсь, но тем лучше. Тогда у тебя будет прекрасный повод уволить его немедленно в отставку и отказать ему в дальнейших аудиенциях.

– Как я могу уволить дядю Алешу? Любимого брата моего отца! Знаешь что, Сандро, я думаю, что с моими дядями у меня все обойдется, но за время твоего пребывания в Америке ты сам стал большим либералом».

Ситуация тем более прелестна, что адмирал русского флота, великий князь Алексей Александрович – путешественник, гурман, дамский угодник, светский человек – был равнодушен, кажется, к одной лишь вещи на земле – к вверенному его попечению флоту. Причем несколько этого не скрывал.

Семейка была, надо сказать, колоритная. По российским законам Романовы были неподсудны, при этом большей частью несли государственную службу. Надо сказать, что иные несли ее достойно. Но не все.

Характеризуя своих родственников, Александр Михайлович пишет:

«Великий князь Владимир Александрович... обладал несомненным художественным талантом. Он рисовал, интересовался балетом и первый финансировал заграничные балетные турне С. Дягилева. Собирал старинные иконы, посещал два раза в год Париж и очень любил давать сложные приемы в своем изумительном дворце в Царском Селе. Будучи по натуре очень добрым, он по причине некоторой экстравагантности характера мог произвести впечатление человека недоступного... С ним нельзя было говорить на другие темы, кроме искусства, или тонкостей французской кухни... Он занимал, сообразно своему происхождению и возрасту,

ответственный пост командира Гвардейского корпуса, хотя исполнение этих обязанностей и являлось для него большой помехой в его любви к искусству.

Великий князь Алексей Александрович пользовался репутацией самого красивого члена императорской семьи... Светский человек с головы до ног... Алексей Александрович много путешествовал. Одна мысль о возможности провести год вдали от Парижа заставила бы его подать в отставку. Но он состоял на государственной службе и занимал должность не менее не менее как адмирала Российского Императорского флота. Трудно было себе представить более скромные познания, которые были по морским делам у этого адмирала могущественной державы...

Великий князь Сергей Александрович сыграл роковую роль в падении империи и был отчасти ответствен за катастрофу во время празднования коронации Николая II на Ходынском поле в 1896 году. При всем желании отыскать хотя бы одну положительную черту в его характере я не могу ее найти. Будучи очень посредственным офицером, он тем не менее командовал Л.-Гв. Преображенским полком – самым блестящим полком гвардейской пехоты. Совершенно невежественный в вопросах внутреннего управления, великий князь Сергей был тем не менее московским генерал-губернатором – пост, который мог бы быть вверен лишь государственному деятелю очень большого опыта. Упрямый, дерзкий, неприятный, он бравировал своими недостатками, точно бросая в лицо всем вызов и давая, таким образом, врагам богатую пищу для клеветы и злословия»⁴³.

Все трое сослужили своему племяннику великую службу. Сергей Александрович «облагодетельствовал» его Ходынкой, Владимир Александрович – Кровавым воскресеньем, Алексей Александрович – Цусимой.

Дяди были не единственными родственниками, точно знавшими, как надо управлять государством. К ним прибавлялись еще многочисленные кузены и прочие члены императорского дома. (Александр Михайлович тоже постоянно описывает, как давал монарху советы, а тот не внимал.)

Нетрудно понять, что мысль прибавить к августейшему семейству, министрам, губернаторам и прочая еще и народное представительство ввергла царя в состояние истерики. Однако и «обществу», буквально помешанному к тому времени на парламентаризме, было обидно: составлять экономическую основу страны, платить налоги и не иметь ни малейшего влияния на государственную политику. Так что поссорились они всерьез. С тех пор «общество» и подконтрольная ему пресса пользовались любым случаем, чтобы «куснуть» самодержавие. Фрондеров, конечно, преследовали, но в целом это напоминало сказку о войне медведя с комарами. Вскоре дело дошло до того, что человек не мог быть принят в «образованном обществе», если он не выражал антимонархических настроений.

Второй после «бессмысленных мечтаний» «звоночек» можно отнести к разряду мистических предзнаменований! Правда, в основе «мистики» лежало банальное разгильдяйство, которое развел в своем ведомстве очередной царский дядя, генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович.

На тогдашней окраине Москвы находилось Ходынское поле – место народных гуляний и войсковых учений. Там и решили устроить коронационные торжества «для народа», сопряженные с раздачей подарков. Рядом с полем проходил овраг, на нем самом было множество канав и ям, кое-как заделанных досками. В общем, территорию не подготовили, охрану не обеспечили. Прослышав о подарках, на поле еще с вечера 17 мая 1896 года собралась колоссальная толпа – около 500 тысяч человек. Около 5 утра 18 мая пронесся слух, что подарков не хватит. Возникла давка, жертвами которой стали почти 1400 человек.

Само по себе мрачное событие усугубилось реакцией властей. Поле спешно расчистили, трупы убрали. К середине дня там уже играла музыка, всюю шли народные гуляния (не все же

москвичи участвовали в ночной давке!). Император побывал на Ходынском поле, выслушал громовое «ура!» и пение гимна, а вечером посетил бал у французского посла.

Пытаясь оправдать монарха, фрейлина императрицы Александры Федоровны Вера Клейнмихель писала: «Французский посол умолял ввиду страшных расходов согласиться хотя бы просто на раут. Государя, не без большого труда, умолили появиться с императрицей, хотя бы ненадолго, на рауте... На государе, что называется, лица не было. Он весь осунулся, был бледен как полотно. В молчании они прошли по залам, кланяясь собравшимся. Затем прошли в гостиную маркизы Монтебелло и очень скоро отбыли во дворец. Французы были в отчаянии, но, кажется, и они поняли, что требовать большего... было невозможно»⁴⁴.

Однако, согласно воспоминаниям, императорская чета не прошла по залам, а открыла бал танцем. Впрочем, и сам император в дневнике пишет: «До сих пор все шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился великий грех. Толпа, ночевавшая на Ходынском поле, в ожидании начала раздачи обеда и кружки, наперла на постройки и тут произошла страшная давка, причем, ужасно прибавить, потоптано около 1300 человек!! Я об этом узнал в 10½ ч. перед докладом Ванновского; отвратительное впечатление осталось от этого известия... В 12½ завтракали и затем Аликс и я отправились на Ходынку на присутствие при этом печальном „народном празднике“. Собственно, там ничего не было; смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка все время играла гимн и „Славься“. Переехали к Петровскому, где у ворот приняли несколько депутатов, и затем вошли во двор. Здесь был накрыт обед под четырьмя палатками для всех волостных старшин. Пришлось сказать им речь, а потом и собравшимся предводителям двор. Обойдя столы, уехали в Кремль. Обедали у Мама в 8 ч. Поехали на бал к Montebello. Было очень красиво устроено, но жара стояла невыносимая. После ужина уехали в 2 ч.».

Так что, как видим, императорская чета осталась и на бал, и на ужин.

Старшая сестра императора, великая княгиня Ксения Александровна, писала о том же бале: «Конечно, мы были расстроены и совсем не в подобающем расположении духа! Ники и Аликс хотели уехать через полчаса, но милые дядюшки (Сергей и Владимир) умоляли их остаться, сказав, что это только сентиментальность („поменьше сентиментальности!“) и сделали скверное впечатление!»⁴⁵.

Дяди, дяди... снова дяди!

Александр Михайлович писал: «Вечером император Николай II присутствовал на большом балу, данном французским посланником. Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка»⁴⁶.

Улыбавшийся на балу великий князь Сергей Александрович, как московский генерал-губернатор, нес ответственность за происшедшее. Был ли он хоть как-то наказан – вопрос, конечно, нелепый: не привлекать же к ответственности родного дядю! За кровавый бардак были уволены несколько второстепенных чиновников.

В народе Ходынку сочли за очень скверное предзнаменование – и были правы. Что бы ни делал новый царь – все оборачивалось против него и против России.

Глава 4. Небожитель

Религиозность и жандармский плен императора

Царь был не только красив и отменно воспитан, но и безукоризненно религиозен. Что же касается царицы, то, переехав в Россию, эта воспитанная в английском протестантизме немка ударилась в православие со всем неофитским пылом.

Владимир Гурко писал: «В Александре Федоровне глубокая религиозность проявлялась с молодости, наружно выражаясь, между прочим, в том, что она долгие часы простаивала на коленях на молитве.

Побуждаемая той же религиозностью, она восприняла перед вступлением в брак православие всем своим существом. Последнее оказалось для нее задачей не трудной; в православии она нашла обильную пищу для своей природной склонности к таинственному и чудесному. Она... пропитала православием все свое существо, притом православием приблизительно XVI века. Обрела она глубокую веру не только во все догматы православия, но и во всю его обрядовую сторону. В частности, прониклась она глубокой верой в почитаемых православной церковью святых. Она усердно ставит свечи перед их изображениями и, наконец, и это самое главное, – проникается верой в „божьих людей“ – отшельников, схимников, юродивых и прорицателей...

Одновременно она углубляется в чтение творений отцов церкви. Творения эти были ее настольными книгами до такой степени, что рядом с кушеткой, на которой она проводила большую часть времени, стояла этажерка, заключавшая множество книг религиозного содержания, причем книги эти в большинстве были не только русские, но и написанные на славянском языке, который государыня научилась вполне свободно понимать.

Любимым ее занятием, наподобие русских цариц допетровского периода, стало вышивание воздушов и других принадлежностей церковного обихода...»⁴⁷

Сочетание народной веры в «божьих людей» с изучением высокого богословия и само-то по себе гремучая смесь, а уж замешанная на религиозной экзальтации и неофитском пыле... Трудно сказать, насколько религиозен был сам Николай и какова именно была его религиозность. По церковным вопросам он с женой не спорил – то ли разделял ее воззрения, то ли просто отмалчивался.

Естественно, в стране находились люди, которые боготворили царскую чету. Одним из таких являлся известный церковный писатель Сергей Нилус. «Сергей Нилус оставил описание своих ощущений от первой встречи с государем, происшедшей 5 мая 1904 года на перроне Мценского вокзала, где собралась депутация местного дворянства, чтобы приветствовать Боговенчанного Помазанника, следовавшего через Мценск в сторону Орла, Курска и далее к другим городам юга России для преподания монаршего благословения войскам, отправлявшимся на войну с Японией. На платформе Нилус находился рядом с участником Севастопольской обороны Хитрово. Ветеран стоял в парадной военной форме и при орденах. Государь, заметив доблестного защитника Отечества, подошел к нему и стал ласково расспрашивать о прежней службе.

Оказавшись невольным свидетелем этого диалога, С. Нилус впоследствии написал: „Тут я имел радость, более того, восторг видеть глаза и взгляд Государя. Передать выражения ни словами, ни кистью невозможно. Это был взгляд Ангела-небожителя, а не смертного человека. И радостно, до слезного умиления радостно было смотреть на него, и любоваться им страшно, страшно от сознания своей греховности с близким соприкосновением с небесной чистотой“»⁴⁸.

Царь был прекрасен в глазах экзальтированных православных монархистов – и неудивительно. На сайте «Православная беседа» в разделе «Материалы, связанные с вопросом о канонизации царской семьи» говорится:

«Последний император России относился к Православной церкви с сыновней заботой. За время его царствования число приходских церквей в России увеличилось более чем на 10 тысяч, открыто было более 250 новых монастырей. Император сам участвовал в закладке и освящении новых храмов, жертвовал на их созидание личные средства. Государь часто посещал святые места, глубоко и искренне почитал святых угодников. В последнее царствование канонизовано было больше святых, чем за два столетия правления его предшественников, от Петра I до Александра III. При предшественниках Николая II, начиная с Петра Великого, канонизованы были святители Димитрий Ростовский, Иннокентий Иркутский, Тихон Задонский, Митрофаний Воронежский и преподобный Феодосий Тотемский, а за годы последнего царствования к лику святых были причислены святитель Феодосий Углицкий (в 1896 году), преподобный Серафим Саровский (в 1903 году), святая благоверная княгиня Анна Кашинская (восстановление почитания в 1909 году), святители Иоасаф Белгородский (в 1911 году), Гермоген Московский (в 1913 году), Питирим Тамбовский (в 1914 году), Иоанн Тобольский (в 1916 году). При этом император вынужден был проявить особую настойчивость, добиваясь канонизации преподобного Серафима Саровского, святителей Иоасафа Белгородского и Иоанна Тобольского. Ему пришлось столкнуться с возражениями некоторых членов Святейшего Синода»⁴⁹.

Тем не менее большинство иерархов (и не только) с восторгом встретили отречение Николая. Приветственные телеграммы Временному правительству от представителей церкви сыпались, как из рога изобилия. На первом же заседании Священного Синода из зала торжественно вынесли царский трон. А какие статьи писали тогдашние иерархи – многие из которых тоже потом будут прославлены, но не как страстотерпцы, а как новомученики!

Петербургский историк Клим Жуков приводит примеры статей, которые писали церковные иерархи весной 1917 года.

Епископ Переяславский Иннокентий (Фигуровский): «Как мы все искренне радовались и торжествовали, когда низвергнут был Богом с престола безвольный, подпавший под власть хлыстов император...»

Епископ Александровский Михаил (Космодемьянский): «Я не стану подробно останавливаться на таком, например, поразительном совпадении, что выступлению династии Романовых на арену жизни Русского государства предшествовал Гришка Отрепьев, тело которого было потом сожжено, и прах его выстрелили из пушки, а свержению той же династии способствовал своим позорным фаворитством не менее позорный другой Гришка – Распутин, тело которого тоже сожжено. Согласитесь, однако, что это не простое только случайное совпадение. В природе русской и в жизни русской – государственной, политической, общественной, национальной, вероисповедной, правовой – идет полное и всестороннее воскресение человека навстречу ныне празднуемому нами Воскресению Христову, дарующему нам свободу духа и с нею живот вечный. Это ли не поразительное провиденциальное совпадение? Христос воскрес! Воскрес Христос, и пали рабские дьявольские цепи, пал самодержавный строй, деспотический режим, и обрушились путы, которыми окована была вся жизнь человека от утробы матери и до могильной гробовой доски».

Итак, свержение самодержавия в глазах православного иерарха – это пасха, ни больше ни меньше! Великий праздник!

Епископ Досифей (Протопопов), Саратовская губерния: «Все слои русского народа давным-давно всей душой и сердцем были на стороне Государственной Думы, которая вступила в героическую борьбу с безответственными темными силами старого правительства, с его бесправием, угнетением и коварной изменой русскому народу и русскому делу. Душа русского

человека исстрадалась за время правления старой бюрократической власти, крепко цеплявшейся за свои права, преимущества личной выгоды, но в конце концов приведшей нашу страну на край гибели. Целое море русской крови пролито благодаря темным силам старого правительства, действовавшего с наглостью и коварством. Да будет священна кровь народных мучеников!».

А кто хозяин старому правительству? Разве не тот, кто был всей русской земле хозяином?

Епископ Омский и Павлодарский Сильвестр (будущий священномученик):

«Неустрашимый ход жизни вынудил императора Николая II отказаться от престола, что он исполнил за себя и за наследного сына 2 марта сего 1917 года. Так совершился суд Божий над бывшим нашим царем Николаем II, как в древности над Саулом»⁵⁰.

Нынешние поклонники Николая II, не утруждая себя размышлениями, обвиняют тогдашнее священноначалие в предательстве, в лучшем случае – в лакейской готовности приветствовать любую власть. Однако те же люди несколько месяцев спустя не приняли большевиков и стояли в этом неприятии до изгнания или же до смерти. Значит, не все так просто.

В чем же дело? А дело в том, что у русской церкви была мощнейшая причина сильно не любить русских царей. За двести лет до описываемых событий Петр Первый решил старый спор государства и церкви о власти (и отчасти о деньгах) по-европейски. Наглядевшись в Европе на протестантов, он решил, по примеру Англии, сам стать во главе церкви. Петр упразднил патриарха и подчинил церковь Святейшему Синоду, а последний – обер-прокурору, императорскому чиновнику. Чиновники эти бывали очень разными. Одни ограничивались тем, что выполняли царскую волю, другие пытались проводить церковные реформы. В 1767 году Иван Мелиссино предложил упразднить некоторые обряды, уничтожить посты. Будь это при Петре – неизвестно, чем бы дело кончилось, но Екатерина хода реформам не дала и обер-прокурора уволила. Преемник Мелиссино Петр Чебышев вообще объявил, что он атеист, однако просидел в должности шесть лет, оставив по себе недостачу в 10 тысяч рублей. Алексей Мусин-Пушкин делил синодальные обязанности с куда больше привлекавшими его постами действительного члена Императорской Российской академии и президента Академии художеств. Николай Протасов сделал из синода уже совершенное «министерство благочестия», полностью подчинив его государству. Нравилось ли такое положение иерархам – вопрос риторический. И вот наконец впервые за двести лет они смогли высказаться, и оказалось – если бы современные монархисты хоть немного интересовались историей, они были бы бесконечно потрясены! – что русская церковь вовсе не считает романовскую самодержавную монархию не то что абсолютной ценностью, но и вообще приемлемым для России строем.

Пантелеймон, епископ Двинский, все в том же 1917 году писал: «Враги православия стараются убедить, будто старые порядки и старая власть были благоприятны для церкви и духовенства. Но это неверно, они никогда не были благоприятны. Старое правительство в упоении своей властью не считалось ни с постановлениями святых отцов, ни с епископской благодатью, а грубо господствовало над высшим духовенством, обращая церковь в служанку для своего возвеличивания и тщеславия. С этой целью старая власть не допускала, чтобы епископы Православной церкви собирались бы для свободного управления делами церкви. Со стороны могло показаться, что у епископов полнота власти, что они все могут, а на самом деле им представлялась одна только видимость в церковном управлении. Все дела церковные решались светскими чиновниками, иногда маловерующими или даже просто еретиками, которые глумились над архиереями. Грех против церкви есть самый главный грех старой власти, и, пожалуй, он больше всего и привел прежнее правительство к гибели, а теперь продолжает быть причиной многих настоящих и грядущих бедствий»⁵¹.

Наконец, еще один будущий священномученик, епископ Уфимский и Мензелинский Андрей в статье с характерным названием «Нравственный смысл современных великих событий» писал:

«Самодержавие русских царей выродилось сначала в самовластие, а потом в явное своевластие, превосходившее все вероятия. ...Самодержавие не охраняло чистоты православия и народной совести, а держало святую церковь на положении наемного слуги. Церковь обратилась сначала в ведомство православного исповедания, а потом просто в победоносцевское ведомство. Это доставляло тяжкую скорбь людям серьезным и верующим, а легкомысленным и скалозубам давало много пищи для издевательства над святостью церкви.

Но за последние три года церковь подверглась явному глумлению. Она была почти официально заменена разными пройдохами, ханжами, старцами-шантажистами и т. п. С голосом церкви не только не считались, но явно им пренебрегали. Этого мало: была сделана попытка ввести в иерархию лиц определенно предосудительного поведения.

И вот рухнула власть, отвернувшаяся от церкви. Свершился суд Божий. ...»⁵².

Чем же государь император уел (другого слова и не подберешь) обычно выдержанных православных иерархов? Да все по мелочам, как Гурко говорил. Был, например, такой монах Илиодор, приятель Распутина, персонаж в высшей степени колоритный – то произносил черносотенные речи, то изгонял бесов из припадочных, то критиковал губернатора, то основывал монастырь. В общем, развлекался как хотел, повелениям Священного Синода демонстративно не подчинялся, а отмены их добивался через царскую семью. Так все и тянулось, пока в 1912 году Илиодор не расстригся и не отрекся от православия, подставив своих благодетелей.

Или, например, Николай предписал канонизировать Иоанна Максимовича, епископа Тобольского. Не то чтобы святитель был человеком недостойным, но решать вопросы канонизации – прерогатива духовной власти, а не гвардейского полковника, пусть и с короной на голове.

С другой стороны, в вопросах важных царь, как обычно, тянул, отмалчивался и не принимал никакого решения. С 1905 года шли разговоры о восстановлении патриаршества, но дело у «заботливого сына церкви» так и кончилось ничем. После отречения же вопрос был решен за девять месяцев.

Ну, и Распутин, конечно... Епископ Саратовский Гермоген за попытки добиться удаления от двора Распутина был уволен на покой. Будущий священномученик Владимир, митрополит Петроградский, после беседы с царем на ту же тему был переведен в Киев.

Стоит ли удивляться, что церковь приветствовала отречение царя?

Распутин, безусловно, сыграл роковую роль в судьбе Романовых. Этого колоритного мужика использовали против династии, как торпеду против броненосца. Но он лечил наследника! По многим свидетельствам, семья для Николая была превыше всего, и семьянин он действительно был образцовый. По-человечески его очень даже можно понять, но...

Многие из окружения царя буквально умоляли Николая удалить Распутина или хотя бы ввести его в какие-то рамки – и сами же за это заплатились. Как отмечено в «материалах о канонизации», «советы епископа Гермогена и свщмч. митрополита Владимира, как и некоторых государственных сановников, удалить Распутина от дворца могли болезненно восприниматься государем и потому, что положение Распутина не представлялось ему имеющим важное государственное или придворное значение, и отношения царской четы с ним казались ему частным, семейным делом». Но это едва ли. Николай не был глуп и не мог не понимать, что история со «старцем» давно переросла частные рамки. Скорее уж он в очередной раз посчитал, что «такова его воля», которую никто не вправе критиковать.

И здесь опять же сыграло свою роль своеобразие личности Николая. «Необходимо отметить еще одну чрезвычайно характерную, объясняющую многое, черту в характере государя, – писал прот. Георгий Шавельский, – это его оптимизм, соединенный с каким-то фаталистическим спокойствием и беззаботностью в отношении будущего, с почти безразличным и равнодушным переживанием худого настоящего, в котором за время его царствования не бывало недостатка. Кому приходилось бывать с докладами у государя, тот знает, как он охотно выслу-

шивал речь докладчика, пока она касалась светлых, обещавших успехи сторон дела, и как сразу менялось настроение государя, ослабевало его внимание, начинала проявляться нетерпеливость, а иногда просто обрывался доклад, как только докладчик касался отрицательных сторон, могущих повлечь печальные последствия... Таково же было отношение государя и к событиям. Радостные события государь охотно переживал вместе с окружающими его, а печальные события как будто лишь на несколько минут огорчали его...

В этой особенности государева характера было, несомненно, нечто патологическое. Но, с другой стороны, несомненно и то, что сложилась она не без сознательного упражнения. Государь однажды сказал министру иностранных дел С. Д. Сазонову:

– Я... стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией. Иначе я давно был бы в гробу...

Кто хотел бы заботиться исключительно о сохранении своего здоровья и безмятежного покоя, для того такой характер не оставлял желать ничего лучшего; но в государе, на плечах которого лежало величайшее бремя управления 180-миллионным народом в беспримерное по сложности время, подобное настроение являлось зловещим»⁵³.

И еще одно обстоятельство сыграло роковую роль в правлении последнего самодержца. Нельзя сказать, что царь не любил простых людей. Нет, он был преисполнен к ним симпатии, насколько это было возможно в обстановке социального расизма, и был уверен, что народ любит своего государя. Вот только что он знал о простых людях, если окружение, а особенно российская бюрократия, старалось, чтобы ничто не оскорбило взор «небожителя»?

При поездках Николая II иной раз сооружались целые «потемкинские деревни» – в прямом смысле. «С одной станции царю приходилось 70 верст проехать на лошадях. По этому пути все изменяли и прикрашивали, чтобы царь не видел того, что есть; чтобы он не заметил, что настоящая русская деревня похожа скорее на большую навозную кучу, чем на селение людей; что на полях нет того обилия плодов и того благополучия, о которых министры ему говорят в своих отчетах.

Вдоль всей дороги посадили березок, дороги выровняли и посыпали песком, крестьянским бабам приказывали выполоть вдоль всего пути сорные травы. Дома, мимо которых проезжал царь, велели покрыть тесом и даже железом; уездным предводителям дворянства поручили набрать среди крестьян 20 000 человек-добровольцев, которые стояли шпалерами вдоль всего пути»⁵⁴.

Самодержец был отделен от народа плотной стеной жандармов. При этом меры охраны принимались исключительные. Вот совершенно дивный документ – тайный циркуляр нижегородского губернатора Унтербергера «Меры охраны, подлежащие к принятию в селениях по пути Высочайшего следования от г. Арзамаса в Саровскую пустынь и Дивеевский монастырь и обратно через с. Глухово в Арзамас».

«1. Все строения, жилые и холодные, находящиеся на самом пути, так равно и на расстоянии десяти сажень в обе стороны от дороги, за двое суток до проезда тщательно осматриваются комиссией, состоящей из полицейского и жандармского (где таковые есть) офицера, местного сельского старосты и при участии двух понятых. Председателем в комиссии является старший в чине офицер. Те строения, в которых нет особой надобности для хозяев, печатываются ею, чтобы убедиться в целостности их.

Примечание. Если впоследствии хозяевам встретилась бы особая надобность войти в опечатанное строение, то это может быть сделано в присутствии той же комиссии, и после этого строение вновь печатывается.

2. В упомянутых выше строениях, после осмотра, никто из посторонних, к семье хозяина не принадлежащих, оставаться не может впредь до того времени, пока охрана не будет снята.

3. За сутки до проезда в каждый дом, находящийся по пути следования, помещаются два охранника, которые следят, чтобы никто из посторонних в дом и во двор не входил.

4. За четыре часа до проезда помещаются с задней стороны домов, лежащих по пути, охранники, стражники или воинские чины, по мере надобности, которые следят за тем, чтобы на дорогу, по которой имеет быть проезд, никто не выходил.

5. Все выходящие на улицы окна или отверстия на чердаках заколачиваются.

6. Полицией и сельскими властями устанавливается строгий надзор за всеми живущими в селениях и за тем, что вообще происходит в селениях. За двое суток до Высочайшего проезда селение должно быть очищено от всех неизвестных лиц.

7. С раннего утра дня Высочайшего проезда в попутных селениях все собаки должны быть на привязи и находящийся в селении скот загнан».

Приведший этот документ известный государственный и общественный деятель Сергей Урусов комментирует его:

«Это только один из перлов охранной литературы. Все они свидетельствуют о том, что для безопасности возлюбленного монарха все находящиеся на пути его свободные люди должны быть на привязи подобно собакам или, вместе со скотом, „загнаны“. Большой любви, привязанности и доверия к своему народу нельзя проявить!»⁵⁵

Естественно, крестьяне, толпами приветствовавшие царя, тоже были отобраны, отмыты, принаряжены, а за ними стояли добротные дома на обсаженных березками улицах. Так что симпатизировал Николай не народу, а образу, сложившемуся в его голове из сказок, нравоучительных книг и тому подобных источников. Нет свидетельств, что он хотя бы солдат в полку расспрашивал о прежней жизни.

И это несмотря на то, что подлинным «призванием» и любовью Николая была военная служба. Даже став царем, он не изменил некоторым привычкам. Любимой компанией царя была кампания гвардейских офицеров, лишь в ней он отдыхал душой. Военный министр (1905–1909) граф Редигер вспоминал: «До начала доклада государь всегда говорил о чем-либо постороннем; если не было иной темы, то о погоде, о своей прогулке, о пробной порции, которая ему ежедневно подавалась перед докладами, то из Конвоя, то из Сводного полка. Он очень любил эти варки и однажды сказал мне, что только что пробовал перловый суп, какого не может добиться у себя: Кюба (его повар) говорит, что такого навара можно добиться, только готовя на сотню людей...

Докладывать приходилось множество пустяков, например, о всех назначениях и увольнениях полковых командиров и старших начальников... О назначении старших начальников государь считал своим долгом знать. У него была удивительная память. Он знал массу лиц, служивших в Гвардии или почему-либо им виденных, помнил боевые подвиги отдельных лиц и войсковых частей, знал части, бунтовавшие и оставшиеся верными во время беспорядков, знал номер и название каждого полка, состав каждой дивизии и корпуса, места расположения многих частей...

Он мне говорил, что в редких случаях бессонницы он начинает перечислять в памяти полки по порядку номеров и обыкновенно засыпает, дойдя до резервных частей, которые знает не так твердо»⁵⁶.

Правление Николая II отмечено двумя внешними войнами – ни первая, ни вторая не принесли славы русскому оружию – и одной внутренней. Эта завершилась победоносно, поскольку противник был не вооружен и не обучен, но славу принесла настолько специфическую...

Глава 5. «Кровавые воскресенья»

Условия жизни рабочих и 9 января 1905 года

*Плохо в России живется.
В банках, в торговле застой.
Рушатся старые фирмы,
Тают, как льдины весной...
В кризисе общем лишь только
Два предприятия цветут,
И небывалую прибыль
Эти два дела дают.
Чтобы не быть голословным,
Я укажу на пример:
Спрос на веревки – бесспорен,
Спрос на гробы – выше мер.*

В. Курицын. 1906 год

При всех своих милейших человеческих качествах почему-то на протяжении всего своего царствования Николай II находился в состоянии войны с населением Российской империи. Почему бы это? Попробуем разобраться, проанализировав события 9 января 1905 года.

У нас любят говорить (кстати, с аргументами и доказательствами в руках), что рабочие при царе жили куда лучше, чем при социализме. Да, так оно и было: имели квартиры, посещали театры и выставки, учили детей в гимназиях. Вот только касалось это тончайшего слоя квалифицированных рабочих – «рабочей аристократии». Жизнь остальных была беспросветна.

Е. Прудникова пишет:

«...Среди моих домашних „ужастиков“ не последнее место занимает исследование К. А. Пажитнова „Положение рабочего класса в России“, 1908 года выпуска, которое, в свою очередь, содержит анализ многочисленных отчетов фабричных инспекторов и прочих исследователей и проверяющих. Чтение, надо сказать, не для слабонервных.

Одной из главных приманок (точнее, лозунгов. – *Прим. ред.*) большевиков был лозунг восьмичасового рабочего дня. Каким же он был до революции?

На фабриках и заводах с посменной работой естественным и самым распространенным был 12-часовой рабочий день... На более мелких кустарных заводиках, где не было посменной работы, хозяева эксплуатировали рабочих кто во что горазд. Так, по данным исследователя Янжула, изучавшего Московскую губернию, на 55 из обследованных фабрик рабочий день был 12 часов, на 48 – от 12 до 13 часов, на 34 – от 13 до 14 часов, на 9 – от 14 до 15 часов, на двух – 15,5 часов и на трех – 18 часов.

„Рогожники г. Рославля, например, встают в час пополуночи и работают до 6 часов утра. Затем дается полчаса на завтрак, и работа продолжается до 12 часов. После получасового перерыва для обеда работа возобновляется до 11 часов ночи. А между тем почти половина работающих в рогожных заведениях – малолетние, из коих весьма многие не достигают 10 лет“⁵⁷.

В среднем по всем обследованным производствам продолжительность рабочей недели составляла 74 часа (тогда как в Англии и в Америке в то время она была 60 часов). Никакого законодательного регулирования продолжительности рабочего дня не существовало – все зависело от того, насколько жажда наживы хозяина перевешивала его совесть...

Теперь о заработной плате... В 1900 году фабричная инспекция собрала статистику средних зарплат по отраслям. В машиностроительном производстве и металлургии рабочие полу-

чали в среднем 342 рубля в год. Стало быть, в месяц это выходит 28,5 рублей. Неплохо. Но, обратившись к легкой промышленности, мы видим уже несколько иную картину. Так, обработка хлопка (прядаильные и ткацкие мануфактуры) – 180 рублей в год или 15 в месяц. Обработка льна – 140 рублей в год, или 12 в месяц. Убийственное химическое производство, рабочие на котором до старости не доживали, – 260 рублей в год, или 22 в месяц. По всей обследованной промышленности средняя зарплата составляла 215 рублей в год (18 в месяц). При этом платили неравномерно. Заработок женщины составлял примерно 3/5 от уровня взрослого мужчины. Малолетних детей (до 15 лет) – 1/3. Так что в среднем по промышленности мужчина зарабатывал 20 рублей в месяц, женщина – 12, а ребенок – около семи. Повторяем – это средний заработок. Были больше, бывали и меньше.

Теперь немножко о ценах. Угол, то есть место на койке, в Петербурге стоил 1–2 рубля в месяц, так называемая „каморка“ (это не комната, как можно бы подумать, а кусочек комнаты, разгороженной фанерными перегородками, что-то вроде знаменитого общежития из „Двенадцати стульев“) стоила 5–6 рублей в месяц. Если рабочие питались артелью, то на еду уходило самое меньшее 6–7 рублей в месяц на человека, если поодиночке – более семи. Одиночка при среднем заработке мог прожить, но ведь любому человеку свойственно стремиться создать семью – и как прикажете ее кормить на такой заработок? Поневоле дети рабочих с 7–10 лет тоже шли работать. Причем женщины и дети составляли категорию самых низкооплачиваемых рабочих, оттого-то потеря кормильца была уже не горем, а трагедией для всей семьи. Хуже смерти была только инвалидность, когда отец работать не может, а кормить его надо.

Да, кстати, еще штрафы мы забыли! Как вы думаете, за что штрафовали? Во-первых, естественно, за опоздание. Завод Мартына (Харьковский округ): за опоздание на 15 минут вычитается четверть дневного заработка, на 20 минут и более – весь дневной заработок. На писчебумажной фабрике Панченко за час опоздания вычитается как за два дня работы. Но это как бы строго, однако понятно. А как вы думаете, за что еще штрафовали? Фабрика Пешкова: штраф в один рубль, если рабочий выйдет за ворота (в нерабочее время, ибо выход за ворота фабрики был вообще запрещен!). Мануфактура Алафузова (Казань): от 2 до 5 рублей, если рабочий „прошелся, крадучись, по двору“. Другие примеры: 3 рубля за употребление неприличных слов, 15 копеек за нехождение в церковь (в единственный выходной, когда можно поспать!). А еще штрафовали за перелезание через фабричный забор, за охоту в лесу, за то, что соберутся вместе несколько человек, что недостаточно деликатно рабочий поздоровался и пр. На Никольской мануфактуре Саввы Морозова штрафы составляли до 40 % выдаваемой зарплаты, причем до выхода специального закона 1886 года они взыскивались в пользу хозяина. Надо ли объяснять, как администрация старалась и как преуспевала в самых разнообразных придирах?

<...>

Об условиях труда и быта рабочих – отдельный разговор. Об охране труда в то время говорить вообще почти не приходилось – это относилось всецело на христианское чувство хозяина...

В Царстве Польском по части условий труда было, пожалуй, самое лучшее положение в Российской империи. И вот что пишет фабричный инспектор Харьковского и Варшавского округов Святловский, который лично осмотрел 1500 (!) предприятий с 125 тыс. рабочих – то есть в основном мелких. „Относительно рабочих помещений можно принять за правило следующее положение: если во вновь воздвигаемых фабриках далеко не всегда обращается внимание на требования строительной гигиены, то в старых фабриках и особенно в мелких заведениях эти требования всегда и благополучно игнорируются, и нигде не имеется приспособлений ни для вентиляции, ни для удаления пыли“⁵⁸. Так, сушильни на махорочных фабриках таковы, что даже привычного рабочего, который пробыл там 15 минут, иной раз вытаскивали в глубо-

ком обмороке. „При входе в сушильную дух захватывает почти в той же мере, как и при входе в помещение химических заводов, где вырабатывается соляная кислота“.

Да, кстати, химические заводы – вот где были настоящие фабрики смерти. Московская губерния (относительно цивилизованная): „На химических заводах в подавляющем большинстве случаев воздух отравляется различными вредными газами, парами и пылью. Эти газы, пары и пыль не только вредят рабочим, причиняя более или менее тяжкие болезни от раздражения дыхательных путей и соединительной оболочки глаз и влияя на пищеварительные пути и зубы, но и прямо их отравляют... На зеркальных мелких заводах рабочие страдают от отравления ртутными парами. Это обнаруживается в дрожании рук, в общем упадке питания и дурном запахе изо рта“. Кстати, один из таких заводов – по производству свинцовых белил – красочно описан Гиляровским в очерке „Обреченные“.

Фабрики тогдашние мало походили на нынешние, где, даже если есть проблемы с вентиляцией, то, по крайней мере, достаточно самого воздуха. Но исследователи условий труда на кустарных и полукустарных производствах, таких как табачные, спичечные фабрики и пр., пришли в ужас, когда измерили, сколько воздуха приходится на одного работающего. Получалось иной раз половина, а иной раз и треть кубической сажени (сажень – около 2 метров, соответственно, кубическая сажень – около 8 кубометров). При этом единственной вентиляцией зачастую служила открытая дверь и форточка в окне, которую рабочие закрывали по причине сквозняков.

Ну, а теперь дадим слово самим фабричным инспекторам. Вот все о тех же несчастных рогожниках (более половины работающих – дети!): „На всех фабриках без исключения мастерские дают на каждого рабочего, или, вернее, живущего, менее принятой нами нормы в 3 куб. сажени, а 2/3 из них дают менее 1 куб. сажени на человека, не считая при том массы воздуха, вытесняемого мочалой и рогожами. На 7 кожевенных заводах было найдено отопление «почерному» – без труб. Из 1080 фабрик Московской губернии периодическое (!) мытье полов существовало только на трех!“

„Работа в паточной (на сахарных заводах. – *Е. П.*) положительно вызывает особую, чисто профессиональную болезнь, именно нарывы на ногах. В паточном отделении рабочий все время стоит в патоке босиком, при чем малейшая ссадина или царапина разъедается, и дело доходит до флегмонозных воспалений. Высокая температура и господствующие сквозняки вызывают ревматические заболевания...“

„В квасильне, где более всего работают дети от 7 лет, у здорового, но непривыкшего человека через четверть часа разболится до обморока голова от невыносимой вони и сырости, которую издает квасящийся уголь... В костопальне дети от 7 лет (которые работают также 12 часов) ходят и распластывают горячую крупку, от которой пыль буквально покрывает их с головы до ног... В прачечной – девочки от 14 лет, совершенно голые, моют грязные от свекловичного сока салфетки в сильно известковой воде, от которой лопаются у них кожа на теле...“

Эти доклады относятся к восьмидесятым годам XIX века. Но, может быть, за двадцать лет что-нибудь изменилось? Посмотрим. Мы снова на сахарном заводе, и снова слово фабричному инспектору. „Работа на заводе продолжается 12 часов в день, праздников не имеют и работают 30 дней в месяц. Почти во всем заводе температура воздуха страшно высокая. Работают голышом, только покрывают голову бумажным колпаком да вокруг пояса носят короткий фартук. В некоторых отделениях, например в камерах, куда приходится вкатывать тележки, нагруженные металлическими формами, наполненными сахаром, температура доходит до 70 градусов. Этот ад до того изменяет организм, что в казармах, где рабочим приходится жить, они не выносят температуры ниже 30 градусов...“ Разница если и есть, то в том, что к тому времени на таких заводах не стало маленьких детей. Запрет на детский труд рабочие все же вырвали у „отца-государя“. Не из гуманизма, а чтобы дети не сбивали цену на труд. Впрочем, на многих заводах малолетние по-прежнему работали – но при приходе инспекторов прятались.

Что же касается быта – то человек, не знающий, что такое рабочая казарма, вообще не имеет представления о „России, которую мы потеряли“. На большинстве фабрик в глубине России помещения для рабочих подразделялись на две категории: казармы и каморки. Что такое казарма, знает каждый, читавший историю ГУЛАГа, – это обычный барак с нарами, примерно при той же или большей тесноте. Но у эка по крайней мере было свое отдельное место на нарах, а у рабочего не было – нары, как и цеха, использовались в две смены. Каморки – это тот же барак, но поделенный на отдельные клетушки, – такое жилье предназначается для семейных рабочих. Только не стоит думать, что в комнате помещается по одной семье – обычно по две-три, но иной раз и до семи. Однако даже таких каморок для семей не хватает, и в ожидании своей очереди на кусок комнаты семейные пары размещаются все в тех же казармах. В этих случаях они отделяют свои места на нарах занавесками. „Иногда фабриканты идут навстречу этому естественному стремлению рабочих и на помосте нарах делают дощатые перегородки вышиною в полтора аршина (около метра. – *Авт.*), так что на нарах образуется ряд, в полном смысле слова, стойл на каждую пару“. Через некоторое время в ногах такого „жилья“ появляется люлька – значит, люди ухитряются еще и заниматься любовью в этом помещении! Воистину, к чему только не приспособится человек...

Наконец, „на большинстве фабрик для многих рабочих, по обыкновению, особых спален не делают“. Это значит, что спят рабочие в тех же цехах, где и работают. Ткачи (ручные) спят на станках, столяры – на верстаках, несчастные рогожники – на тех же самых мочалах и рогожах, которые они изготавливают, в тех же сырых и душных помещениях. Учитывая, что у рогожников еще и самый длинный в России рабочий день – до 18 часов, то вся жизнь их проходит в этих темных душных цехах. А работают здесь в основном, еще раз напомним, женщины и дети»⁵⁹.

И кто-то считал и считает, что людям, существующим в таких условиях, нужны революционеры-пропагандисты, чтобы бунтовать? Стачечное движение в России развивалось параллельно с развитием капитализма. Выступления рабочих разгоняли с разной степенью жестокости. Расстрелы тоже не были чем-то исключительным. Вот лишь несколько примеров. 9 марта 1902 года – расстрел рабочих в Батуме (15 убитых); 13 марта 1903 года – расстрел забастовщиков в Златоусте (69 убитых); 14 июля 1903 года – расстрел на станции Михайлово (18 убитых); в августе 1903 года – в Екатеринославе (14 убитых). Но события 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге стоят особняком. В этот день народ шел не к хозяевам с требованиями, а к царю с выражениями любви и преданности.

Вот начало петиции, которую планировалось подать Николаю II:

«Государь!

Мы, рабочие города С.-Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители пришли к тебе, государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению!

Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просили: мы желаем только того, без чего жизнь – не жизнь, а каторга, вечная мука.

Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсуждали наши нужды, — но и в этом нам отказали; нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что такого права за нами не признает закон. Незаконными оказались также наши просьбы: уменьшить число рабочих часов до восьми в день, устанавливать цены на наши работы вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией завода, увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас внимательно и без оскорблений, устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.